

БОЛЬШИЕ Иллюстрации

Пу Сун-лин

РАССКАЗЫ
О
НЕОБЫЧАЙНОМ

Иллюстрации

Пу Сун-лин

Рассказы о необычайном

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67852923

Рассказы о необычайном: Азбука-Антиквус; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-389-21574-0

Аннотация

Вот уже три столетия в любой китайской книжной лавке можно найти сборник рассказов Пу Сун-лина, в котором читателя ожидают удивительные истории: о лисах-оборотнях, о чародеях и призраках, о странных животных, проклятых зеркалах, говорящих птицах, оживающих картинах и о многом, многом другом. На самом деле книги Пу Сун-лина давно перешагнули границы Китая, и теперь их читают по всему миру на всех основных языках. Автор их был ученым конфуцианского воспитания, и, строго говоря, ему вовсе не подобало писать рассказы, содержащие всевозможные чудеса и эротические мотивы. Однако Пу Сун-лин прославился именно такими книгами, став самым известным китайским писателем своего времени. Почвой для его творчества послужили народные притчи, но с течением времени авторские истории сами превратились в фольклор и передавались из уст в уста простыми сказителями.

В настоящем издании публикуются разнообразные рассказы Пу Сун-лина в замечательных переводах филолога-китаиста Василия Михайловича Алексева, с подробными примечаниями.

Содержание

Предисловие переводчика	6
Химеры Пэн Хай-цю	32
Лиса острит	47
Хэн-нян о чарах любви	60
Чжэнь и его чудесный камень	70
Крадет персик	76
Оскорбленный Ху	82
Невеста-монахиня Чэнь Юнь-ци	90
Седьмая Сяо и ее сестра	114
Царица Чжэнь	125
Чудеса Второй девочки	134
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Пу Сун-лин

Рассказы о необычном

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Предисловие переводчика

У всякого народа, в особенности на заре его культурной жизни, есть смутное чувство, говорящее ему, что те животные, которые его окружают, не так уж далеки от человека, как это кажется, судя по отсутствию у них членораздельной речи – этой типичной принадлежности человеческой породы животных. Наоборот, именно эта жуткая странность, при которой, будучи в данный момент довольными и веселыми, животные не смеются; желая сейчас что-то сказать, не говорят, – эта странность пугает, как неразгаданная тайна, и двуногий царь природы начинает сомневаться в своем непререкаемом властительстве: наоборот, ему кажется, что его окружают существа, от которых он зависит, которые могут диктовать ему свою волю, благоволя ему или вреда. Одной из таких неразгаданных тайн человеку всегда представлялась лисица – та самая лисица, которая, с одной стороны, была ему неприятна, ворую у зазевавшегося хозяина кур, но с другой – весьма приятна, в качестве превосходной шубы, сшитой из шкуры тех лисиц, что, в свою очередь, зазевались и попались в руки предприимчивому охотнику.

Кто из нас не знает, какими качествами наделил кумулису, Лису Патрикеевну, воровку-лису русский человек? Кто не знает таких выражений, как «лисить», «лису петь», «подпускать лису», «лисой пройти», «не волчий зуб – так лисий

хвост», «лиса своего хвоста не замазает», «кабы лиса не подросла, то бы овца волка съела» и т. п., в которых лиса является образом человека лукавого, хитрого, пролазы, проныры, корыстного льстеца? Русский народ, конечно, не оригинален в данном отношении, и все вышесказанное является лишь примером человеческой изобретательности, первобытной, простодушной, наивной. Ей еще так далеко до развитого миропонимания, прошедшего школу научного наблюдения и успокоившего свое жуткое ощущение соседства непонятных животных пониманием биологической панорамы.

Китайский народ, прежде всего, не отставал в этом отношении от других. Так, ему лиса представлялась всегда символом осторожности и недоверчивости. «Лиса сама закапывает, сама же и раскапывает» – при такой подозрительности никакого дела нельзя сделать. Затем, китайцу лиса точно так же, как и другим народам, кажется хитрым и лицемерным существом, водящим за нос сильных и свирепых зверей, как, например, в одной басне, известной не только одним китайцам (хотя и помещенной в одном древнем тексте), – в басне о лисице, идущей впереди тигра и принимающей на свой счет почтительное поклонение, расточаемое встречными, – конечно, только тигру. Далее, так же как и у нас, лисица в Китае представляется существом, одаренным особой способностью к вкрадчивому лицемерию, легко обольщающим жертву и потом безжалостно ее же эксплуатирующим. Наконец, все эти качества, на которые жалуется создающий

басни и поговорки крепкий задним умом наивный человек, подчеркиваются китайцем, когда он говорит о лисе как об определенно злом существе, одинаковом в этом отношении с шакалом и волком, хищном, свирепом, отвратительном. Отвращение к лисе видно даже в таком китайском выражении, как «лисий запах», означающем противную вонь, идущую от больных и неопрятных людей из-под мышек.

Однако китайцу – не в пример, по-видимому, прочим – лиса представляется и полезным существом. Не говоря уже о ее шкуре, ценимой не менее, чем где-либо, китайская медицина знает весьма полезные свойства лисьего организма, части которого, например печень, могут исцелять злую лихорадку, истерию, внезапные обмороки, а мясо ее вообще может, как говорят даже солидные китайские медицинские трактаты, – в особенности если его приготовить должным образом – исцелять случаи «крайнего испуга, обмороков, бессвязной речи, беспричинных, безрассудных песен, скопления холода во внутренностях, злого отравления» и других подобных болезней. Лисья кровь, как говорит в своем знаменитом сочинении один из китайских мыслителей рубежа н. э., сваренная с просом, дает способность избегать опьянения и т. д. и т. д. Одним словом, лиса, оказывается, не так уж безнадежно плоха. Наоборот – и здесь китайская фантазия идет, по-видимому, впереди всех народов, – она оказывается наделенною редким свойством долголетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще сверхчеловеческими, да-

же прямо божескими особенностями. Эти качества, прежде всего, делают ее, конечно, доброю, ибо такова воля умило-стивляющего ее человека, который, страшась и подозревая ее в душе своей, боится ей это показать. Так, девятихвостая белая лисица, жившая в горе Ту, явилась древнему герою китайского исторического предания, императору Юю, и он женился на ней, как герой на фее. «Небесная лисица, – говорит другое литературное предание, – имеет девять хвостов и золотистую шерсть; она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал».

Эта волшебная фантастика, которою китайский народ, неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов.

Вы проходите по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамена, значки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: «Это фея-лиса» (*хусянье*). Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрашивают не вредить бедному народу – и не только не вредить, а наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи. И вы действительно читаете на знаменах и особых красивых лакированных досках крупные надписи: «Есть у меня просьба – непременно ответишь!», «Смилуешься над нами, ста-

дом живых» и т. д. Словом, лиса становится анонимным божеством, равноправным со всеми другими, которым в Китае имя легион. Вот в этой-то своей роли божества, наделенного к тому же способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисом-мужчиной, во всяком их дальнейшем разнообразии, смотря по тому, на кого и во имя чего требуется действовать, вот в этом мире превращений лиса и кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающими самое необыкновенное течение событий там, где обычная человеческая жизнь проста, убога, скучна. На этой почве и развились повести и рассказы Ляо Чжая, перевод которых здесь печатается. Перед русским читателем здесь разворачивается самая прихотливая картина сверхъестественного вмешательства лисицы в человеческую жизнь. Она окутывает его злым наваждением, не давая ему жить спокойно в своем же доме и веля поступаться самыми насущными вопросами совести. Она обольщает бедного человека своею нечеловеческой красотой и, воспользовавшись любовью, пьет соки его жизни, а затем бросает в жертву смерти и идет охотиться за другим. Лиса превращает его в бездушного исполнителя своих приказаний, велит ему действовать как во сне, теряя ощущение подлинной жизни. И, боясь злых чар лисы, человек, в сердце которого есть решимость, не знающая сопротивления, объявляет ей войну, ловит ее, рубит ее, натравливает на нее ее врага, сам рискуя пропасть вместе с ней. Однако если

он действует исподтишка, если он, вместо того чтобы самому проявить героизм, идет к колдуну за талисманом или если он, облагодетельствованный красотой своей лисьей подружки, желает от нее избавиться подловатым образом, стараясь при этом ничем не рисковать, – то горе ему! От него лиса отнимет все, что когда-либо ему дала, вынет семя жизни и погубит бесповоротно и окончательно.

Но, вмешиваясь таким образом в жизнь человека, лиса не всегда действует зло. Верно, что она морочит глупых людей, глумится над алчными и грубыми, охотящимися за счастьем, которое им на роду не писано. Верно, что она жестоко наказывает за распутство, а главное, за вероломство и подлость по отношению главным образом к ней же, – но разве может все это быть сопоставлено с теми нечеловеческими радостями, которые создает появление в серой и убогой жизни человека обольстительной красавицы, не требующей ничего такого, что осложняет жизнь, и отдающей человеку прямо и решительно, погружая его сразу же в подлинное счастье, в то неза заслуженное и огромное, что в жизни творит жизнь и за которое человек идет на все, даже на свою явную гибель. Лиса приходит к человеку сама, влюбляет его в себя, любит его, становится восхитительной любовницей и верной подружкой, добрым гением, охраняющим своего друга от злых людей. Она является в жизнь ученого еще более тонкою, чем он сам, и восхищает его неопишуемым очарованием, которое человеку, женатому на неграмотной, полуживотной женщи-

не, охраняющей его очаг и отнюдь не претендующей на неиссякающее любовное внимание, является особенно дорогим и которое разворачивает всю его сложную личность, воскрешает ее. С легким сердцем устремляется он к своей гибели. Очертя голову и повинувшись зову очарованной души, он сам своими же руками разрывает сети колдуна, в которые попала его чародейка, – и тогда она преобразается, несет ему исцеление и, прощаясь с ним, ловко и легко устраивает ему счастливую, теперь уже мирную жизнь. Однако не претендуй, жалкий человек, на счастье, которого ты не заслуживаешь! Лисий смех, леденящий душу, раздастся в ответ на твои просьбы, и глупейший мираж будет дан тебе в удел вместо грубого счастья, которое ты цинично себе просишь.

Лиса не только женщина. Она может также явиться человеку и в образе мужчины. Это будет тонко образованный ученый, беседа с которым окрыляет дух; он будет товарищ и друг, преданный беззаветно и искренно, ищущий себе ответа в глубине чужой души, но возмущающийся и казнящий своего товарища за всякую попытку использовать его божественную силу в угоду грубому аппетиту. Лис живет вместе с человеком, ничем не отличается, кроме свойственных ему странностей, но иногда он – невидимка и посылает свои чары только одному своему избраннику, сердце которого не заковано обывательским страхом и слепыми рассказами. Лис-невидимка – все тот же преданный друг, иногда, правда, непостижимый в своих действиях, похожих скорее на действия

врага, но потом действительно оказывающийся подлинным золотом.

Неся человеку фатальное очарование, приводя его к границе смерти, лиса сама же несет ему исцеление, помогающее, как ничто на свете. Она хранит пилюлю вечной жизни, горящую в вечном сиянии бледной колдуньи-луны и способную оживить даже разложившийся труп. И перед тем как стать бессмертным гением надземных сфер, она еще раз вмешивается в жизнь человека и несет ему мир и счастье.

Переводчик и автор этого предисловия предполагает, что эта фантастика, это причудливое смешение мира действительности с миром невероятных возможностей может волновать русского читателя, если он хоть немного склонен к обособлению от жизни, и дать ему ряд переживаний, которые для русской и европейской литературы вообще необыкновенны и интересны.

Эти «Записи необыкновенного, сделанные Ляо Чжам» («Ляо Чжай чжи и»), можно сказать, не боясь преувеличения, являются в Китае самой популярной книгой. Более того, принимая во внимание число людей, могущих вообще держать книгу в руках, среди общей массы пятисот миллионов китайцев, мы можем, пожалуй, утверждать, что эта книга является если не самой известной, то, во всяком случае, из таковых, говоря теперь уж обо всем земном шаре. Благодаря совершенной свободе печати и издательства, отсутствию понятия о праве собственности на какое бы то ни было лите-

ратурное произведение, раз оно уже увидело свет в печати, благодаря дешевизне труда и бумаги, эту книгу вы встретите в любой книжной лавке, на любом книжном уличном развале или лотке; вы увидите ее в руках у людей самых разнообразных положений и состояний, классов, возрастов. Книгу эту, прежде всего, читает, читает с восторгом и умилением перед образцом литературной изысканности всякий тонко образованный китаец, не говоря уже про людей с образованием по качеству средним и ниже среднего – людей, для которых Ляо Чжай – восхитительная недостижимость. Однако и для тех, кто не особенно грамотен, то есть не имеет того запаса литературного навыка и даже попросту запаса слов, которым располагает образованный китаец, Ляо Чжай – настоящий магнит. Правда, такой читатель понимает сложный, весь блестящий литературной отделкой текст из пятого в десятое, но даже самая фабула, самое мастерство рассказчика, развивающего перед читателем восхитительную картину человеческой жизни, пленяют его настолько, что он не выпускает из рук этой книги и, конечно, не менее образованного знает содержание ее четырехсот с лишком рассказов, как содержание самых ходячих анекдотов.

Однако нам может быть понятно, что читателю этого типа крайне досадно видеть себя в жалком положении человека, питающегося крохами от трапезы господ своих, и он естественным образом всегда стремился, так сказать, к уравнению своих прав. И вот, если вы пройдете по Пекину, выйдете

за ворота маньчжурского города, пройдете по главной улице до храма Неба, то в этой части столицы вы увидите ряд чайных, где китайский простолюдин внимает своему *шошуды*, то есть рассказчику, обладающему особым талантом и развитым умением переложить текст и даже стиль Ляо Чжая в такую форму, которая, сохраняя все богатство оригинала, создает особую ритмическую разговорную речь. Таким образом, здесь совершается художественное претворение книжной непонятной речи в живую и понятную, – и китаец неграмотный оказывается точно так же приобщенным к достоинствам Ляо Чжая, как и китаец образованный.

Кто же автор этих рассказов, маг и чародей, сумевший овладеть умами Китая, этой литературной страны, избалованной тысячами поэтов и бесконечным рядом вообще выдающихся писателей?

Пу Сун-лин (по фамилии Пу, по имени Сун-лин), давший себе литературное прозвание, или псевдоним, Ляо Чжай, родился в 1622 году и умер в 1715 году в провинции Шаньдун, находящейся в Восточном Китае, близ морского побережья, с которого простым глазом видны очертания Порт-Артура. Место действия его рассказов почти не выходит за пределы Шаньдуна, и время их не отступает от эпохи жизни самого автора. Вот что о нем рассказывает его, к сожалению, слишком краткая биография, находящаяся в описании уезда Цзычуань, в котором он родился и умер.

«Покойному имя было Сун-лин, второе имя – Лю-сянь,

дружеское прозвание Лю-цюань. Он получил на экзамене степень *суйгуна*¹ в 1711 году и славился среди своих современников тонким литературным стилем, сочетавшимся с высоким нравственным направлением. Со времени своего первого отроческого экзамена он уже был известен такой знаменитости, как Ши Жунь-чжан, и вообще его литературная слава уже гремела. Но вот он бросает все и ударяется в старинное литературное творчество, описывая и воспевая свои волнения и переживания. В этом стиле и на этой литературной стезе он является совершенно самостоятельным и обособленным, не примыкая ни к кому.

И в характере своем, и в своих речах покойный проявлял благороднейшую простоту, соединенную с глубиной мысли и основательностью суждения. Он высоко ставил непоколебимость принципа, всегда называющего только то, что должно быть сделано, и неуклонность нравственного долга.

Вместе со своими друзьями Ли Си-мэем и Чжан Ли-ю, также крупными именами, он основал поэтическое содружество, в котором все они старались воспитать друг друга в возвышенном служении изящному слову и в нравственном совершенстве.

Покойный Ван Ши-чэнь всегда дивился его таланту, считая его вне пределов досягаемости для обыкновенных смертных.

В семье покойного хранится богатейшая коллекция его

---

¹ Нечто вроде «действительного студента» былых дней. – *Примеч. перев.*

сочинений, но „Странные истории Ляо Чжая“ („Ляо Чжай чжи и“) особенно восхищают всех нас, как нечто самое вкусное, самое приятное».

Итак, перед нами типичный китайский ученый. Посмотрим теперь, каково содержание его личности как ученого, то есть постольку, поскольку это касается воспитания и вообще культурного показателя. Остальное, не правда ли, уже сообщено в вышеприведенных строках исторической справки.

Китайский ученый отличается от нашего главным образом своею замкнутостью. В то время как наш образованный человек – не говоря уже об ученом – наследует в той или иной степени культуру древнего мира и Европы, являющуюся вообще сборным соединением разных отраслей человеческого знания и опыта, начиная с религии и кончая химией и чистописанием, – образованный и ученый китаец является – и особенно являлся в то время, когда жил Пу Сун-лин – Ляо Чжай, – наследником и выразителем только своей культуры, причем главным образом литературной. Он начинал не с детских текстов и легких рассказов, а сразу с учения Конфуция и всего того, что к нему примыкает, иначе говоря – с канона китайских писаний, к которым, конечно, можно применить наше слово и понятие «священный», но с надлежащею оговоркой, а именно: они не заимствованы, как у нас, от чуждых народов и не занимают сверхъестественным откровением, а излагают учение «совершенного мудреца» Конфуция о призвании человека к высшему служению. Выучив на-

изусть – непременно в совершенстве – и научившись понимать с полной отчетливостью и в согласии с суровой, непреклонной традицией все содержание этой китайской библии, которая, конечно, во много раз превосходит нашу, хотя бы размерами, не говоря уже о трудности языка, – той библии, о которой в нескольких строках нельзя дать даже приблизительного представления (если не сказать в двух словах, что ее язык так же похож на тот, которым говорит учащийся, как русский язык на санскрит), – после этой суровой выучки, на которой «многие силу потеряли» и навсегда сошли с пути образования, китаец приступал к чтению историков, философов разных школ, писателей по вопросам истории и литературы, а главным образом – к чтению литературных образцов, которые он, по своей уже выработанной привычке, неукоснительно заучивал наизусть. Цель его теперь сводилась к выработке в себе образцового литературного стиля и навыка, которые позволили бы ему на государственном экзамене проявить самым достойным образом свою мысль в сочинении на заданную тему, а именно доказать, что он в совершенстве постиг всю глубину духовной и литературной китайской культуры тысячелетий и является теперь ее современным представителем и выразителем.

Вот, значит, в чем заключалось китайское образование. Оно вырабатывало человека, отличающегося от необразованного, во-первых, тем, что он был в совершенстве знаком с тайною языка во всех его стадиях, начиная от архаической,

понятной только в традиционном объяснении, и кончая современной, сложившейся из непрерывного роста языка, который впоследствии прошел еще целый ряд промежуточных стадий. Во-вторых, этот человек держал в своей памяти – и притом самым отчетливым образом – богатейшее содержание китайской литературы, в чтение которой он весь был погружен чуть ли не двадцать лет, а то и больше! Таким образом, перед нами человек со сложным миропониманием, созерцающий всю свою четырехтысячелетнюю культуру, и со сложным умением выражать свои мысли, пользуясь самыми обширными запасами культурного языка, ни на минуту не знавшего перерыва в своем развитии.

Таков был китайский интеллигентный человек времен Пу Сунлина. Чтобы теперь представить себе личность самого Ляо Чжая, автора этих странных рассказов, надо к вышеизложенной общей формуле образованного человека прибавить особо отличную память, поэтический талант и размах выдающейся личности, которой сообщено столь сложное культурное наследие.

Все это и отразилось на пленительных его рассказах, в которых прежде всего заблистал столь известный всякой литературе талант повествователя. Там, где всякий другой человек увидит только привычные формы жизни, прозорливый писатель увидит и покажет нам сложнейшую и разнообразнейшую панораму человеческой жизни и человеческой души. То, что любому из нас, простых смертных, кажется обы-

денным, рядовым, не заслуживающим внимания, то ему кажется интересным, тесно связанным с потоком жизни, над которым, сам в нем плывя, только он может поднять голову. И наконец, тайны человеческой души, видные нам лишь постольку, поскольку чужая душа находит себе в наших бледных и ничтожных душах кое-какое отражение, разворачиваются перед поэтом во всю ширь и влекут его в неизбывные глубины человеческой жизни.

Однако талантливый повествователь – это только ветвь в лаврах Ляо Чжая. Самым важным в ореоле его славы является соединение этой могучей силы человека, наблюдающего жизнь, подняв голову над стадом двуногих, с необыкновенным литературным мастерством. Многие писали на эти же темы и до него, но, по-видимому, только Ляо Чжаю удалось приспособить утонченный литературный язык, выработанный, как мы видели, многолетней суровой школой, к изложению простых вещей. В этом живом соединении рассказчика и ученого Ляо Чжай поборол прежде всего презрение ученого к простым вещам. Действительно, китайскому ученому, привыкшему сизмальства к тому, что тонкая и сложная речь передает исключительно важные мысли – мысли Конфуция и первоклассных мастеров литературы и поэзии, которые, конечно, всегда чуждались «подлого штиля» во всех его направлениях, – этому человеку всегда казалось, что так называемое легкое чтение есть нечто вроде исподнего платья, которое все носят, но никто не показывает. И вот явля-

ется Ляо Чжай и начинает рассказывать о самых интимных вещах жизни таким языком, который делает честь самому выдающемуся писателю важной, кастовой китайской литературы. Совершенно отклонившись от разговорного языка, доведя это отклонение до того, что поселяне-хлебопашцы оказываются у него говорящими языком Конфуция, автор придал своей литературной отделке такую высоту, что члены его поэтического содружества (о котором упоминалось выше) не могли сделать ему ни одного возражения.

Трудно сообщить русскому читателю, привыкшему к вульгарной передаче вульгарных тем, и особенно разговоров, всю ту восхищающую китайца двойственность, которая состоит из простых понятий, подлежащих, казалось бы, выражению простыми же словами, но для которых писатель выбирает слова-намекы, взятые из обширного запаса литературной учености и понимаемые только тогда, когда читателю в точности известно, откуда взято данное слово или выражение, что стоит впереди и позади него, одним словом – в каком соседстве оно находится, в каком стиле и смысле употреблено на месте и какова связь его настоящего смысла с текущим текстом. Так, например, Пу Сун-лин, рассказывая о блестящем виде бога города, явившегося с неба к своему зятю как незримый другим призрак, употребляет сложное выражение в четыре слова, взятых из разных мест классической древней книги античных стихотворений («Шицзин», III, III, 7 и I, V, 3), причем в обоих этих местах говорится о

четверке рослых коней, влекущих пышную придворную колесницу. Таким образом, весь вкус этих четырех слов, изображающих парадные украшения лошадей, сообщается только тому, кто знает и помнит все древнее стихотворение, из которого они взяты. Для всех остальных это только непонятные старые слова, смысл которых в общем как будто говорит о том, что получалась красивая, пышная картина. Разница впечатлений такова, что даже трудно себе представить что-либо более удаленное одно от другого. Затем, например, рассказывая о странном монахе, в молодом теле которого поселилась душа глубокого старца, Пу пользуется словами Конфуция о самом себе («Луньюй», II, 4): «Мне, – говорит китайский мудрец, – было пятнадцать – и я устремился к учению; стало тридцать – и я установился...» Теперь фраза Пу гласит следующее: «Лет ему (монаху) – только „и установиться“, а рассказывал о делах, случившихся восемьдесят, а то и больше лет тому назад». Значит, эта фраза понятна только тем, кто знает вышеприведенное место из Конфуция, и окажется, что монаху было тридцать лет, следовательно, перевести эту фразу на наш язык надо было бы так: «Возраст его был всего-навсего, как говорит Конфуций: „когда только что он установился“, а рассказывал...» и т. д. Одним словом, выражения заимствуются Пу Сун-лином из контекста, из связи частей с целым. Восстановить эту ассоциацию может только образованный китаец. О трудностях перевода этих мест на русский язык не стоит и говорить.

Однако все это – еще сущие пустяки. В самом деле, кто из китайцев не знал (в прежнее, дореформенное время) классической литературы? Наконец, всегда можно было спросить даже простого учителя первой школы, и он мог или знать, или догадаться. Другое дело, когда подобная литературная цветистость распространяется на все решительно поле китайской литературы, задевая историков, и философов, и поэтов, и всю плеяду писателей. Здесь получается для читателя настоящая трагедия. В самом деле, чем дальше развивает отборность своих выражений Пу Сун-лин, тем дальше от него читатель. Или же, если последний хочет приблизиться к автору и понимать его, сам должен стать Пу Сун-лином, или, наконец, обращаться поминутно к словарю. И вот, чтобы идти навстречу этой потребности, современные издатели рассказов Ляо Чжая печатают их вместе с толкованиями цветистых выражений, приведенными в той же строке. Конечно, выражения, переведенные и объясненные выше как примеры, ни в каких примечаниях не нуждаются, ибо известны каждому мало-мальски грамотному человеку.

Таким образом, вот тот литературный прием, которым написаны повести Ляо Чжая. Это, значит, вся сложная культурная ткань древнего языка, привлеченная к передаче живых образов в увлекательном рассказе. Волшебным магнитом своей богатейшей фантазии Пу – Ляо Чжай заставил каstoffого ученого отрешиться от представления о литературном языке как о чем-то важном и трактующем только тради-

ционные темы. Он воскресил язык, извлек его, так сказать, из амбаров учености и пустил в вихрь жизни простого мира. Это ценится всеми, и до сих пор образованный китаец втайне думает, что вся его колоссальная литература есть скорее традиционное величие и что только на повестях Ляо Чжая можно научиться живому пользованию языком ученого. С другой же стороны, простолюдин, не имевший времени закончить свое образование, чувствует, что Ляо Чжай рассказывает вещи, ему родные, столь милые и понятные, и одолевает трудный язык во имя близких ему целей, что, конечно, более содействует распространению образования, нежели самая свирепая и мудрая школа каких-либо систематиков.

В повестях Ляо Чжая почти всегда действующим лицом является студент. Китайский студент отличается от нашего, как видно из сказанного выше, тем, что он может оставаться студентом всю жизнь, в особенности если он неудачник и обладает плохую памятью. Мы видели, что и сам автор повестей Пу выдержал мало-мальски сносный экзамен лишь в глубокой старости. Мягко обходя этот вопрос, историческая справка, приведенная на предыдущих страницах, не говорит нам о том, что составляло трагедию личности Пу Сун-лина. Он так и не мог выдержать среднего экзамена, не говоря уже о высшем, и, таким образом, стремление каждого китайского ученого стать «государственным сосудом» встретило на его пути решительную неудачу. Как бы ни объясня-

ли себе – он, его друзья, почитатели и, наконец, мы – эту неудачу, сколько бы мы ни говорили, что живому таланту трудно одолеть узкие рамки скучных и вязких программ с их бесчисленными параграфами и всяческими рамками, выход из которых считается у экзаменаторов преступлением, – все равно: жизнь есть жизнь, а ее блага создаются не индивидуальным пониманием вещей, а массовой оценкой, и потому бедный Ляо Чжай глубоко и остро чувствовал свое жалкое положение вечного студента, отравлявшее ему жизнь. И вот он призывает своим раненым сердцем всю фантастику, на которую только способен, и заставляет ухаживать за студентом мир прекрасных фей. Пусть, думается ему, в этой жизни бедный студент горюет и трудится. Вокруг него порхает особая, фантастическая жизнь. К нему явятся прекрасные феи, каких свет не видывал... Они подарят ему счастье, от которого он будет вне себя, они оценят его возвышенную душу и дадут ему то, в чем отказывает ему скучная жизнь. Однако он – студент, ученик Конфуция, его апостол. Он не допустит, как сделал бы всякий другой на его месте, чтобы основные принципы справедливости, добра, человеческой глубины человеческого духа и вообще незыблемых идеалов человека были попорчены вмешательством химеры в реальную жизнь. Он помнит, как суров и беспощаден был Конфуций в своих приговорах над людьми, потерявшими всякий масштаб и в упоении силы начинающими приближаться к скоту, – да! он это помнит и свое суждение выскажет всегда, че-

го бы это ему ни стоило. И как в языке Ляо Чжая собрано все культурное богатство китайского языка, так и в содержании его повестей собрано все богатство человеческого духа, волнуемого страстью, гневом, завистью и вообще тем, что всегда его тревожило, – и все это богатство духа вьется вихрем в душе вечно юного китайского студента, стремящегося, конечно, поскорее уйти на трон правителя, но до этих пор носящего в себе незыблемо живые силы, сопротивляющиеся окружающей пошлости темных людей.

Кружа таким образом своей мыслью около своей неудачи и создавая свой идеал в размахе страстей жизни, бедный студент сумел, однако, высказаться положительно и вызвал к себе отношение, далеко превышающее лавры жалостливого рассказчика. Исповеданные им конфуцианские заветы права и справедливости возбудили внимание к его личности, и, таким образом, личность и талант сплелись в одну победную ветвь над головой Ляо Чжая. И настолько умел он захватить людей своей идейностью, что один император, ярый поклонник его таланта, хотел даже поставить табличку с его именем в храме Конфуция, чтобы тем самым сопричислить его к сонму учеников бессмертного мудреца. Однако это было сочтено уже непомерным восхвалением, и дело провалилось.

Содержание повестей, как уже было указано, все время вращается в кругу *и* – «причудливого, сверхъестественного, странного». Говорят, книга сначала была названа так: «Рассказы о бесах и лисицах» («Гуй ху чжуань»). Действитель-

но, все рассказы Ляо Чжая занимают исключительно сношением видимого мира с невидимым при посредстве бесов, оборотней, лисиц, сновидений и т. д. Злые бесы и неумирные озлобленные души несчастных людей мучают оставшихся в живых. Добрые духи посылают людям счастье. Блаженные и бессмертные являются в этот мир, чтобы показать его ничтожество. Лисицы-женщины пьют сок оболыщенных мужчин и перерождаются в бессмертных. Их мужчины посланы в мир, чтобы насмеяться над глупцом и почтить ученого умника. Кудесники, волхвы, прорицатели, фокусники являются сюда, чтобы, устроив мираж, показать новые стороны нашей жизни. Горе злему грешнику в подземном царстве! Сколько нужно сложных случайностей и совпадений, чтобы извлечь его из когтей злых бесов! А главное – судьба! Да, судьба – вот общий закон, в котором тонет всё и тонут все: и бесы, и лисицы, и всякие люди. Судьба отпускает человеку лишь некоторую долю счастья, и как ни развивай ее, дальше положенного предела не разовьешь. Фатум бедного человека есть абсолютное божество. Таков крик исстрадавшейся души автора, звучащий в его «книге сиротливой досады», как выражаются его критики и почитатели.

Как же случилось, что все эти химерические превращения и вмешательства в человеческую жизнь, все эти туманные, мутные речи о предметах, «о которых не говорил Конфуций», не говорят и все классики, – как случилось, что Пу Сун-лин избрал именно их для своих повестей – и не только

случайно выбрал, но – нет – собирал их заботливо всю свою жизнь? Как это совместить с его конфуцианством?

Он сам об этом подробно говорит в предисловии к своей книге, указывая нам прежде всего, что он в данном случае не пионер: и до него люди такой высокой литературной славы, как Цюй Юань и Чжуан-цзы (IV в. до н. э.), выступали поэтами причудливых химер. После них можно также назвать ряд имен (например, знаменитого поэта XI в. Су Дун-по), писавших и любивших все то, что удаляется от земной обыденности. Таким образом, под защитой всех этих славных имен Пу не боится нареканий. Однако главное, конечно, не в защите себя от нападок, а в собственном волевом стремлении, которое автор объясняет врожденной склонностью к чудесному и фатальными совпадениями его жизни. Он молчит здесь о своей неудаче в этом земном мире, которая, конечно, легла в основу его исповедания фатума. Однако из предыдущего ясно, что Пу в своей книге выступает в ряду своих предшественников с жалобой на человеческую несправедливость. Эта тема всюду и везде, как и в Китае, вечна, и, следовательно, мы отлично понимаем автора и не удивляемся его двойственности, без которой, между прочим, он не имел бы той литературной славы, которая осеняла его в течение этих столетий.

Литературный перевод этих повестей, сделанный с оригинала, появляется на русском языке впервые. Все, что появлялось доселе, было или учебным переводом с примечания-

ми для руководства начинающих китаеведов², или же переводом с иностранных переводов. Это обязывает переводчика предложить вниманию читателя несколько соображений, которые могут им, если он того пожелает, отчасти руководить.

Переводчик просил бы, прежде всего, не удивляться всему тому, что не совпадает с привычным чтением. Ведь перевод на китайский язык наших произведений, например поэм Жуковского, сна Татьяны из «Евгения Онегина», святочных рассказов и т. д., поверг бы китайца точно так же в крайнее удивление и вызвал бы недоуменный вопрос: где же тут литература, что интересного в этой диковинной чепухе, шокирующей литературный вкус читателя? Опасно – должен предостеречь переводчик, – будучи простым обывателем, мнить себя абсолютным судьей чужеземного творчества.

Выпускаемая книжка, конечно, фактически обращается к любому человеку, умеющему читать, но достоинство ее обращено только к тем, кто любит новое; кто всей душой стремится в новый мир человеческих чувств, переживаний, образов и слов; кто знает цену новому знакомству, новому проникновению в новые тайны человеческой души. Такому читателю, наоборот, показалось бы чрезвычайно странным и неприятным, если бы он в переводах с китайского увидел только то, что давно уже знал из своего опыта с чтением русской литературы.

---

² Четыре повести в переводе В. П. Васильева см. в его «Примечаниях к первому выпуску „Китайской хрестоматии“» (СПб., 1897, с. 71–97). – *Примеч. перев.*

Далее, переводчик просит не забывать, что дело происходит в XVII веке, в Китае, еще совершенно не затронутом европейской цивилизацией и, следовательно, молчащем во всех тех областях, которые в то время требовали от мирового писателя отзыва и ответа.

Затем, хорошо было бы, если бы читатель, натолкнувшись в переводе этих рассказов на шокирующие чувство благопристойности места, взглянул на них так же, как глядят на светящийся предмет близорукие, то есть через некоторые очки, восстанавливающие нормальное зрение и более не позволяющие видеть вместо светящейся точки радужное пятно. Читатель этого типа легко поймет, что фактическая непристойность, изображенная Ляо Чжаем в двух-трех словах, отнюдь не рассчитана на такое внимание, каким окружены соответствующие места у Ги де Мопассана, Золя, не говоря уже о нашей литературе начала XX века, Арцыбашеве и других. Переводчику хотелось бы предупредить обычное лицемерие, а тем более ханжество читателя, не умеющего относиться к литературной вещи с должным чувством пропорции ее частей и форм.

Наконец, как выяснено уже на предыдущих страницах, перевод с китайского языка, располагающего двойственностью своего проявления в литературе и в разговоре, на русский язык, который этой двойственности почти не имеет – во всяком случае, ее не любит, – такой перевод не может воссоздать оригинал во всей его красе. Протянуть от своих слов к

их родникам те же нити, что протягивает гениальный китаец, устроить читателю тот же литературный пир, что блещет и волнует в рассказах Ляо Чжая, – это значило бы стать Ляо Чжаем на русской почве. Переводчик есть только переводчик. Ему доступны фразы, слова, иногда образы, но переводчик Байрона не Байрон, переводчик Пушкина не Пушкин, и, значит, переводчик Ляо Чжая не Ляо Чжай. Если ему удалось найти в себе проникновенное слияние двух разных миров – китайского и русского, если он сумел достойным образом передать содержание повестей на русскую литературную речь, легко читаемую и действительно отражающую подлинный текст, не делая уступок в угоду понятливости читателя, то последний вместе с переводчиком может быть только доволен.

В. Алексеев

Химеры Пэн Хай-цю

Лайчжоуский студент Пэн Хао-гу в своем загородном доме сидел над книгами. До семейного дома было очень далеко, наступила уже, как говорится, средняя осень³, а вернуться к родным все не удавалось – и ему без друзей и без компании было скучно, тоскливо. Здесь, в деревне, думалось ему, не с кем поговорить. Есть, правда, некий Цю, известный в округе литератор, но в нем было что-то непонятно отвратительное, и Пэн обращался с ним небрежно.

Луна уже взошла⁴, и Пэну стало еще скучнее. Делать нечего – пришлось, как говорится, «заломить планку»⁵ и пригласить к себе Цю.

Сели пить. Пока пили, кто-то постучал в ворота. Мальчик, прислуживавший в кабинете Пэна, вышел к дверям. Оказалось, какой-то молодой ученый желает видеть хозяина. Пэн вышел из-за стола и чинно попросил гостя войти. Обменялись приветствиями, сели в кружок. Пэн спросил, где гость

---

³ ...средняя осень... – Каждое из четырех времен года китайцы делят еще на стадии: сильную, среднюю, последнюю. Средняя осень приходится на восьмой месяц лунного календаря. Это – особенно 15-е число – праздник луны, семейный и торжественный.

⁴ Луна уже взошла... – Очевидно, полная луна 15-го числа.

⁵ ...«заломить планку»... – Фигурное выражение для понятия «написать письмо», основанное на том, что древним материалом для письма китайцам служил бамбук, расщепленный на планочки.

живет и из какого он рода.

– Я из Гуанлина, – сказал гость. – Фамилия у нас с вами, сударь, одинаковая, а величать меня Хай-цю. Эта прекрасная ночь застала меня в гостинице, и мне стало как-то особенно тяжело. До меня дошли слухи о вашей высокой и тонкой образованности, и вот я являюсь к вам без всякого третьего лица!..

Пэн оглядывал говорившего. Холщовое платье на нем было чисто и опрятно⁶. Говорил он и улыбался с непринужденной, живой текучестью. Пэну он очень полюбился.

– Вы, значит, – сказал он радостно, – мой сородич...

Вечер этот, что за вечер?⁷ Гостя милого встречаю!

И велел подать вина, угощая гостя как давнишнего приятеля. Он заметил по настроению гостя, что тот как будто сильно третирует Цю. И в самом деле, когда Цю с почтением пытался втянуться с ним в беседу, гость отвечал надменно и бесцеремонно. Пэну было стыдно и неловко за Цю. Он постарался вмешаться в их разговор и предложил начать с народных песен⁸ под общую выпивку. Поднял глаза к небу,

---

⁶ *Холщовое платье на нем было чисто и опрятно.* – Выражение скорее фигурное, чем конкретно передающее существо дела. Холщовым платьем называется в литературе скромный наряд китайского ученого – по-видимому, для антитезы с его прихотливым и богатым внутренним содержанием.

⁷ *Вечер этот, что за вечер?* – Строка из «Шицзина» (перефразированные строки из песни пятой из «Песней удела Тан»).

⁸ *...предложил начать с народных песен...* – В некоторой литературной – как увидим ниже – отделке.

кашлянул раз-другой и запел про фуфэнского молодца⁹.

Весело смеялись.

– Ваш покорнейший слуга, – сказал гость, – напевать не мастер, так что нечем отблагодарить, как говорится, за «Солнечную весну»¹⁰. Нельзя ли кого нанять за меня?

– Как прикажете, – сказал Пэн.

– А что, у вас в Лай нет какой-либо известной певицы?

– Нет, не имеется, – отвечал Пэн.

Гость погрузился в молчание и так сидел довольно долго. Потом обратился к мальчику.

– Вот что, – сказал он, – я только что позвал кой-кого... Там, за воротами... Проводи-ка сюда!

Мальчик вышел и действительно увидел какую-то девушку, прохаживающуюся перед дверями дома. Мальчик поманил ее и привел к гостям. Ей было лет дважды восемь, может быть, несколько больше... Живым-живая бессмертная фея!

Пэн был совершенно ошеломлен... Усадил ее... На ней была ивово-желтая накидочка, и запах ее духов сразу же наводнил все углы.

– Ну что, – спросил ее участливо гость, – очень трудно,

---

⁹ ...запел про фуфэнского молодца. – Из произведений великого поэта VIII в. Ли Бо.

¹⁰ «Солнечная весна» – одна из песен, которые, по свидетельству древнего поэта Сун Юя, своею изысканностью были доступны лишь ограниченному кругу людей. Следовательно, здесь это выражение вежливости: «тонкая», «достойная» песнь; выражение это употреблено здесь с явной иронией, принимая во внимание предыдущую речь о «народных» (деревенских) песнях.

небось, было бежать за тысячу *ли*?

– Как же, как же, – с улыбкой сказала дева.

Пэн был весь удивление и стал было ее расспрашивать, но гость уже обратился к нему.

– Очень жаль, – сказал он, – что в ваших местах здесь нет красавиц... Я вот и позвал ее сюда с лодки, плывшей по Западному озеру!..¹¹ Вот, милая, вы сейчас только что в своей лодке пели про легкомысленного молодца, – обратился он к деве. – Это очень мило! Пожалуйста, спойте нам это еще раз!

И дева запела:

Человек без страсти, чувства и любви¹², Ты повел уж коня
мыть на весенний прудок... Вот уж голос твой томительно
далек... А над Цзяном свод небес так чист, высок, И в горах
так слабо светит лунный рог! Ты потрянул головой – нет, не
вернешься ко мне, На дворе ж поутру белым-белеет восток.
Не ропщу, не виню долгой разлуки года, Горько лишь знать:

---

¹¹ ...плывшей по Западному озеру!.. – Западное озеро (Сиху), знаменитое своей красотой, как природной, так и приумноженной многовековыми стараниями культурных китайцев, находится у города Ханчжоу, бывшего столицей угнетенного кочевниками Китая. Если провести от Лайчжоу, где сидят собеседники, простую прямую линию (через моря, озера, реки, болота, горы) к Западному озеру, то и тогда в ней будет не менее 750 километров, что даст не тысячу *ли*, как говорит крупным числом Хайцю, а около полутора.

¹² *Человек без страсти, чувства и любви...* – Перевод этих строк, ввиду того что это песня с неустойчивым ритмом, а главное, с одной текущей рифмой, сделан более в сторону приблизительной музыкальной передачи, нежели абсолютной точности.

счастья короток часок. Где ты будешь ночевать, скажи, дружок? Не лети, как летит ивовый в ветре пушок! Даже если не быть знатным вельможей тебе¹³, Никогда не ходи в дом, где линьцонский¹⁴ цветок!

Гость достал из чулка яшмовую флейту¹⁵ и дул в такт ее пению. Кончилась песня – остановилась флейта.

Пэн был вне себя от изумления, сидел и беспрерывно хвалил.

– От Западного озера до нас разве одна тысяча *ли*? И вдруг вы что-то крикнули – а приглашенная уже здесь! Уж не бессмертный ли вы волшебник?

– Ну, о бессмертном смею ли я и говорить, – ответил гость. – Просто я, знаете, смотрю на десятки тысяч *ли* как на свой двор! А вот что, господа: сегодня вечером на Западном озере воздух и луна великолепны, как никогда. Нельзя, право, чтоб нам туда не заглянуть! Могли ли бы вы идти за мной туда погулять?

Пэн согласился, желая внимательнее присмотреться к

---

¹³ *Даже если не быть знатным вельможей тебе...* – Ради чего только и имели бы смысл долгие отлучки из дому. Выражение это взято из поэзии и ее гиперболического языка, тем более корнящегося в древних текстах.

¹⁴ *Линьцон* – место, где поэт Сыма Сян-жу встретился с роковой для него женщиной, бросившей все и побежавшей делить с ним его скромную судьбу: она провидела в нем будущего великого человека.

¹⁵ *Гость достал из чулка яшмовую флейту...* – Китайский чулок шит из холста и скорее напоминает сапог с голенищем. Очевидно, у гостя был чулок монашеского типа, не запрятываемый в штанину и не привязываемый у щиколотки.

странным причудам гостя.

– Очень буду рад, – сказал он.

– В лодке? На коне? – спросил гость.

Пэн подумал и решил, что в лодке будет интереснее.

– Хотелось бы в лодке, – ответил он.

– Здесь у вас, – сказал гость, – скричать лодку будет, пожалуй, далековато. А вот на Небесной Реке¹⁶ – там, наверное, должен быть перевозчик!

С этими словами он помахал рукой кому-то в воздухе.

– Лодка, сюда! – крикнул он. – Эй, лодка, сюда! Мы хотим ехать на Западное озеро... За платой не постоим!..

Не прошло и мгновенья, как из пространства слетела к ним ярко расписанная ладья. Ее окружали со всех сторон пары-тучи. Все влезли в ладью и видят, что в ней стоит человек с коротким веслом в руках, а к веслу плотными рядами приткнуты длинные перья, так что оно с виду напоминает перовой веер.

Человек взмахнул веслом – и чистый ветерок загудел вокруг них, а ладья стала плавно вздвигаться и уноситься в выси туч. Она плыла по направлению к югу – мчалась, как стрела.

Миг – и она уже опустилась на воду. В лодке слышно было лишь томленье-гуденье скрипок и флейт; в уши вонзались звуки поющих. Вышли, стали смотреть. Луна отпечталась в волнах, одетых туманом, и гуляющих на озере – людная

---

¹⁶ А вот на Небесной Реке... – то есть на Млечном Пути.

улица!

Рулевой перестал двигать веслом, предоставив теперь лодке плыть самой. Всмотрелись пристальней – и впрямь: это было Западное озеро.

Тогда гость прошел на корму, достал оттуда диковинные яства и чудесное вино и, весь в радостном возбуждении, стал с гостями пить.

Вскоре затем к ним стала медленно подходить ладья с высоким корпусом¹⁷, подошла и поплыла рядом с их ладьей. Взглянули в ее окно: там сидели двое или трое каких-то людей, которые играли за столом в шахматы¹⁸ и раскатисто хохотали.

Гость взмахнул чаркой и сказал, подав ее деве:

– Это втяни! Милую я провожаю!

Пока дева пила, Пэн, весь в любовном томлении, ходил возле нее взад и вперед, охваченный одной лишь страшашей его мыслью, что она уйдет. Он тронул ее ногой, и дева косою волною очей послала ему взгляд, от которого Пэн взволновался страстью еще пуще прежнего. Он требовал назначить

---

¹⁷ ...ладья с высоким корпусом... – Эти лодки-дома, последнее слово китайской роскоши, убираются к вечеру с большою пышностью и плывут по местам, прославленным своею красотой, давая возможность пирующим наслаждаться всем, чем только можно.

¹⁸ ...играли за столом в шахматы... – Китайские шахматы бывают двух родов: «слоновые», приблизительно напоминающие наши, и «облавные» – с большим количеством фигур и с малосхожими движениями. Последний тип шахмат считается особо замысловатым, и на каждую партию приходится бесконечное число ходов.

срок следующему свиданию.

– Если вы любите меня, – сказала дева, – вы только спросите и назовите имя Цзюань-нян. . . Не найдется меня не знающих!

Гость сейчас же взял у Пэна шелковый платок и передал его деве.

– Вот я за вас назначу срок, – сказал гость, – пусть это будет через три года!

С этими словами он поднялся с места, посадил деву к себе на ладонь и произнес:

– О фея! О фея!

И сейчас же ухватился за окно соседней ладьи и втолкнул в него деву. Отверстие окна было всего в несколько дюймов, так что дева продвигалась, распластавшись и извиваясь, как змея, но не чувствовалось, чтобы ей было узко.

И вдруг с соседней ладьи послышался голос:

– А, Цзюань-нян пробудилась!

И сейчас же лодка заработала веслами и отплыла. Затем, уже издали, было видно, как она дошла до места и остановилась. Видно было также, как люди вышли из лодки нестройной толпой и исчезли.

Настроение у пловших сразу упало, и Пэн стал говорить со своим гостем о том, что ему хотелось бы выйти на берег и вместе с ним посмотреть, как там и что.

Только что они стали это обсуждать, как ладья сама собой уже причалила. Вышли из лодки и резвым шагом стали от

нее уходить.

Пэну показалось, что он уже прошел *ли* с чем-то, как подошел отставший гость. Он подвел к Пэну коня и дал ему держать его, а сам сейчас же опять ушел.

– Подождите, – сказал он, – я займу еще пару коней и приду опять.

Прошло порядочное время, а он все не появлялся. Прохожие стали уже редеть. Пэн взглянул на небо: косая луна уже катилась к западу и цвет неба шел к утренней заре.

Куда пошел Цю, ему было неизвестно. Он держал коня и ходил с ним взад и вперед, не имея определенного решения: не то двигаться дальше, не то идти назад. И так, с поводьями в руках, он дошел до места, где причалила ладья, но и сама ладья и гость уже исчезли.

Пэн подумал теперь, что в его поясном мешке¹⁹ совершенно пусто, и при этой мысли ему стало еще тоскливее. А небо уже сильно светлело, и при свете утра он увидел, что на коне лежит небольшой кошелек с накладным узором. Посмотрел, что в нем, и нашел там *лана* три-четыре. Купил себе поесть и стал терпеливо ждать.

Пэн не заметил, как дело уже подошло к полудню. Тогда он решил, что, пожалуй, лучше всего будет пока что разузнать о Цюань-нян, а там уже потихоньку можно будет собрать сведения о Цю. Решив так, стал спрашивать, называя

---

¹⁹ ...в его пояском мешке... – В поясе, поддерживающем штаны, был карман для громоздких китайских денег и кусков серебра.

всем имя Цюань-нян, но таковое было никому не известно. Настроение у него стало все хуже, безрадостнее... На следующий день он поехал дальше.

Конь был смирный, хороший. На его счастье, он не хромал и не слабел, но вернулся Пэн домой только через полмесяца.

Когда все трое сели в ладью и поднялись в воздух, мальчик, прислуживавший в кабинете Пэна, пришел в дом, где жила семья, и доложил, что барин исчез как ангел. В семье стали плакать и причитать: думали, что он уже не вернется. И вдруг Пэн привязал коня и входит в дом... Семья была радостно поражена, столпилась вокруг него, принялась расспрашивать, и Пэн рассказал им подробно о всей этой приключившейся с ним небывальщине.

Однако, рассказывая, он подумал, что ведь он вернулся-то в свое село и к своим колодцам один. А вдруг да семья Цю начнет дознаваться, как это так случилось! Ему стало при одной этой мысли страшно, и он запретил своим домашним что-либо распространять.

Во время рассказа Пэн упомянул о том, как у него появился конь. Публика гуртом пошла в конюшню посмотреть на коня, подарок святого чародея. Пришли – а конь вдруг куда-то исчез. Остался только Цю. Он был привязан к яслям соломенной крутенкой.

В крайнем изумлении от этого зрелища, побежали к Пэну, зовя его выйти посмотреть. И Пэн увидел, что Цю стоит, опустив голову в колоду, с лицом мертвым, как пепел. Пэн за-

дал ему вопрос, тот не ответил, и только глаза его то открывались, то закрывались. Больше ничего...

Пэн совершенно не мог вынести этого зрелища, отвязал Цю и положил его на кровать. А Цю лежал, словно лишившись и души и дыхания. Стали вливать ему суп, вино – он понемногу уже мог глотать. Наконец среди ночи начал слегка оживать и вдруг остро захотел по нужде лезть на рундук. Пошли с ним, поддерживая и помогая: он положил там несколько кусков конского навоза.

Покормили его еще, напоили, и наконец он смог говорить. Пэн стал его подробно расспрашивать.

– Как только мы сошли с ладьи, – рассказывал Цю, – этот самый человек отвел меня поговорить с ним. Мы пришли в какое-то совершенно безлюдное место, и он в шутку хлопнул меня по затылку. И вдруг я потерял сознание, почувствовал томление и свалился с ног. Полежав так ничком, через некоторое время я очнулся, оглянул себя: а я, оказывается, уже стал лошадью. Я все ясно понимал, только не мог говорить... Эта, знаете, история – большое для меня унижение, стыд и срам... В самом деле – нельзя, скажу я вам, доводить об этом до сведения моей семьи... Умоляю вас – не выдавайте меня!

Пэн обещал. Велел заложить повозку с верховым и быстро поехал провожать его домой.

С этих пор Пэн так и не мог забыть своего чувства к Цюань-нян. И вот прошло три года. Воспользовавшись случа-

ем, что муж сестры служил на юге в Янчжоу²⁰, он направился туда навестить их. В этом городе жил один человек из известной семьи, некий Лян, находившийся в связях с Пэнами. Как-то раз он дал обед и пригласил Пэна с ним выпить.

За столом появилось несколько гетер-певиц... Все они подходили и почтительно представлялись гостям. Лян спросил, куда делась Цзюань-нян. Слуги доложили, что она больна. Хозяин разгневался.

– Эта девчонка, – кричал он, – зазналась, цену сама себе вздувает!.. Веревкой связать ее и сюда привести!

Пэн, услышав имя Цзюань-нян, поразился этим и спросил, кто она такая.

– А это – веселая дама, – сказал хозяин, – певичка. Но она, скажу вам, первая во всем Гуанлине. Теперь, изволи-те ли видеть, у нее завелась кое-какая известность – так, не угодно ли, сейчас уж и зазналась, сейчас уж и неприлично себя ведет!

Пэн решил, что совпадение имени в данных обстоятельствах совершенно случайно. Тем не менее сердце екало «тук-тук» и его охватывало нетерпение: страстно захотелось хоть раз на нее взглянуть.

Вскоре пришла и Цзюань-нян. Хозяин обеда принялся ее отчитывать и журить. Пэн внимательно ее рассматривал: так и есть, она самая – та, которую он видел тогда, в середине

---

²⁰ ...муж сестры служил на юге в Янчжоу... – Недалеко от места событий – семь лет тому назад, на юге Китая.

осени.

– Она, знаете, мне давно знакома, – сказал Пэн хозяину. – Сделайте мне одолжение, простите ее великодушно!

Цзюань-нян тоже пристально посмотрела на Пэна и, по-видимому, тоже была поражена.

Лян не нашел времени во все это вникать, а просто велел всем сейчас же взяться за чарки и действовать.

– А помните ли вы еще, – спросил Пэн, – песню про беспутного молодца или уже забыли?

Цзюань-нян все больше пугалась. Уставилась в Пэна глазами и только по прошествии некоторого времени стала петь известную уже Пэну песню. А он слушал этот голос – и тот так живо ему напомнил ту самую осень!

С вином покончили, и хозяин велел ей услужить гостю в спальне. Пэн схватил ее за руку и сказал:

– Неужели ж наконец-то сегодня происходит наше свидание, условленное три года тому назад?

Цзюань-нян принялась рассказывать.

– Как-то давно, – говорила она, – я с какими-то людьми плыла по Западному озеру. Не выпила я и нескольких чарок, как вдруг словно опьянела и в этом мутном состоянии кем-то была взята под руку и поставлена среди деревни. Вышел мальчик, ввел меня в дом, где за столом сидели трое гостей... Так вы, сударь, один из них, не правда ли? Затем мы сели в ладью и прибыли на Западное озеро. Там меня через окно вернули обратно. Меня вы нежно-нежно держали за руку...

А я потом все время силилась это вспомнить, но говорила себе, что это только сон. Но, между прочим, шелковый платочек явно был при мне, и я, знаете, его все время берегу, как говорится, за десятью прокладками!

Пэн рассказал ей, в свою очередь, как было дело, и оба от удивления только и делали, что вздыхали.

Цзюань-нян припала к нему всем телом на грудь и зарыдала.

– Святой чародей, – говорила она, – уже был нам милым сватом. О сударь, не смотрите на меня как на вихревую пыль, которую можно только бросить, и не переставайте помнить о женщине, живущей в море скорбей и мук!

– Ни дня не прошло, – отвечал ей Пэн, – чтобы у меня из сердца уходило то, что было сказано и условлено тогда в ладье. Если бы ты, милочка, только пожелала, то я не пожалел бы для тебя потоком опорожнить мошну, даже коня продал бы!

На следующий день он довел об этом до сведения Ляна, занял у своего служилого родственника и за тысячу *ланов* вымарал ее из списков гетер. Забрал с собой и приехал с ней домой.

Как-то они зашли с нею в его загородный дом. Там она все еще могла узнать, где они в тот год пили.

Писавший эту странную историю скажет так:

Лошадь – и вдруг человек! Надо полагать, что и чело-

век-то был... лошадь!

Да если б он и был настоящей лошадыю, было бы, право, жаль, что он не человек!

Подумать только, что и лев, и слон, и журавль, и *пэн* – все терпят от плетки и палки...²¹ Можно ли сказать, что божественный человек не обошелся с ним еще милостиво и любовно?

Назначить срок в три года... Тоже своеобразная, как говорят, «переправа через море страданий»!²²

---

²¹ ...*все терпят от плетки и палки*... – То есть и они подчиняются воле святых подвижников.

²² ...«*переправа через море страданий*»! – Буддийское выражение идеи спасения, напоминающее христианский образ «житейского моря» и «тихого пристанища».

Лиса острит

Вань Фу, по прозвищу Цзы-сян, житель Босина, в молодости занимался конфуцианской наукой. В доме были кое-какие недостатки, но судьба его сильно захромала, и, прожив уже двадцать с лишком лет, он все еще, как говорится, не сумел «подобрать сельдерей»²³ – траву цинь.

В этой местности был скверный обычай часто объявлять повинности за богатыми домами²⁴. Люди солидные и честные доходили чуть не до полного разрушения своих хозяйств. Как раз Вань был объявлен подлежащим повинности. Он испугался и бежал в Цзинань²⁵, где снял помещение в гостинице.

---

²³ ...не сумел «подобрать сельдерей»... – То есть пройти на первом экзамене. То же, что «войти во дворец полукруглого бассейна», так как трава *цинь* растет у берегов этого бассейна-пруда. В книге древней поэзии («Шицзин», IV, III, 3) читаем следующие строки: «Как радостна вода Полупруда! / Ах, рву в ней сельдерей!» Так как Полупруд находился возле царского дворца, в котором размещалось высшее государственное училище для преподавания теории и практики церемоний, а также книжной и даже военной премудрости, то это «собрание у Полупруда сельдерей» означает то же, что вхождение (достойного) «во дворец Полупруда».

²⁴ ...объявлять повинности за богатыми домами. – То есть заставлять богатых людей отвечать своим имуществом за недоимки, быть на ответственных должностях, с тем чтобы в случае недоимки они отвечали за нее своим имуществом.

²⁵ *Цзинань* – главный город Шаньдунской губернии. Шаньдун – родина Пу Сунлина, здесь и происходят почти все события его рассказов.

Ночью прибежала какая-то девица, чрезвычайно с лица красивая. Вань пришел от нее в восторг и, так сказать, усвоил ее. Попросил ее назваться. Дева сказала сама же, что она, прямо говоря, лиса.

– Только, – добавила она, – я не буду для вас, сударь, злым наваждением!

Вань был очень доволен и не стал относиться к ней с недоверием.

Дева не велела Ваню делиться помещением. А сама с этих пор стала появляться ежедневно, жила у него, лежала с ним. Вань же во всех ежедневных тратах жил всецело на ее счет.

Так они прожили некоторое время. У Ваня завелось двое-трое знакомых, заходивших к нему и постоянно остававшихся ночевать, не уходя к ночи. Вань тяготился этим, но не решался отказать. Делать нечего, пришлось сказать гостям, что тут по-настоящему происходит. Гости выразили желание взглянуть хоть раз на святое лицо. Вань сообщил об этом лисе. Она тут же обратилась к гостям:

– Смотреть на меня? Зачем это? Я ведь как люди!

Гости слышали ее голос, мило-мило звучащий, слово за словом, перед самими, казалось, глазами, а куда ни обернись, хоть на все четыре стороны, – никого не видно.

Среди гостей Ваня был некто Сунь Дэ-янь, паяц и записной остряк. Он усердно просил Ваня дать ему свидеться с лисой.

– Вот удалось мне, – добавил он при этом, – слышать неж-

ный ее (ваш) голос. Вся, знаете ли, душа моя, все мое существо так и полетело куда-то за все пределы. Зачем ей (вам) так скупиться на свою красоту? Зачем заставлять человека, услышавшего голос ее (ваш), только и делать, что думать о ней (вас)?

– Послушай, добродетельный внучок²⁶, уж не хочешь ли ты своей прапрапрабабушке писать, как говорится, «портрет грядущей в радости»?²⁷

Все гости захохотали.

– Я лисица, – продолжала невидимка. – Да разрешат мне гости рассказать кое-что из истории лисиц. Очень желаете послушать или не очень?

– Мм... да, мм... да, – отозвались гости.

– В одной деревне, – начала лиса, – была гостиница, в которой давно уже водились лисицы. Они выходили и нападали на проезжих. Узнавая об этом, посетители предупреждали друг друга и не ночевали в ней. Через полгода в помещениях повеяло нежилым и страшным. Хозяин сильно затужил и более всего избегал говорить о лисе. Вдруг как-то появился

---

²⁶ ...добродетельный внучок... – «Внук» (*сунь*) – один и тот же звуковой комплекс и одно и то же начертание со словом «Сунь», которое изображает фамилию спрашивавшего – Сунь Дэ-яня.

²⁷ ...«портрет грядущей в радости»? – Фигурное древнее выражение понятия «портрет». Объясняется, вероятно, тем, что портреты обычно писались с мертвых, так что слова «грядущая в радости» или «творящая радость» есть эвфемизм, то есть выражение, имеющее смысл, обратный действительности или же украшающий ее, и употребленное из боязни. Вся соль остроты заключается в том, что лиса называет Суня своим внуком – животным, дьявольским отродьем.

проезжий издалека, говоривший о себе, что он иностранец. Увидел ворота гостиницы и решил заночевать. Хозяин очень обрадовался и пригласил его войти. Только что он хотел это сделать, как прохожие шепнули ему тихонько: «В этом доме водится лиса!» Проезжий испугался и сказал хозяину, что он хочет переехать в другое место. Хозяин принялся уверять его, что это суший вздор, и тот остался.

Только что он вошел к себе и прилег, как увидел массу мышей, выползших из-под кровати. Проезжий сильно перепугался, бросился бежать, крича, что было сил, что тут лисица. Хозяин стал расспрашивать.

«Лисица здесь устроила себе целое гнездо! – кричал гость сердито. – Зачем было обманывать меня, говоря, что лисы нет?»

Тогда хозяин спросил, как выглядит то, что он видел.

«То, что я сейчас видел, – ответил гость, – тоненькое-то-нюсенькое, маленькое, хорошенькое... Если это и не лисьи дети, то, конечно, лисьи внуки»²⁸.

На этом и кончила рассказывать. Гости на креслах так и ослабелись.

– Раз вы не достаиваете нас свиданья, – сказал тут Сунь, – то мы останемся ночевать и ни за что не сочтем нужным уй-

---

²⁸ *Лисьи внуки (ху сунь цзы)*. – опять в шарадном переводе – может значить «лисий Сунь», то есть опять острога над все тем же Сунь Дэ-янем. Надо еще отметить, что признака множественного числа здесь нет и, следовательно, *сунь* понимается как «внук и Сунь» (имя собственное) точно так же, как «внуки и Суни».

ти. Мы помешаем вашему, так сказать, Янтаю²⁹.

– Ну что ж, – смеялась лиса, – оставайтесь ночевать, ничего! Только если против вас будет что-либо предпринято, то уж, пожалуйста, не давайте этому застрять в душе!

Гости испугались, как бы она из злобы не выкинула с ними штуки, и все тут же разошлись. Однако каждые несколько дней обязательно приходили разок и требовали, чтобы лиса посмеялась и поругалась³⁰.

Лиса была остроумна до чрезвычайности. Что ни скажет, при каждом слове сейчас же укладывает гостей вверх ногами. Записные остряки не могли скрутить ее. И вот публика в шутку стала называть ее «Барынька-Лиса».

Однажды она поставила вина и устроила, так сказать, высокое собрание³¹. Вань занимал место хозяина пира. Сунь и еще два гостя уселись налево и направо от него. На последнее место, вниз³², поставили диванчик и просили пожаловать

---

²⁹ *Янтай* – название горы (в нынешней губернии Хубэй), имеющей форму террасы (*тай*), обращенной к солнцу (*ян*). Древний князь видел во сне, что он слюбился с феей, которая сказала ему, что она бывает по утрам тучею, а по вечерам дождем у подножия этой самой горы. Оттуда в поэтическом языке Китая любовное слияние полов называется «тучей и дождем», то есть объятиями феи, в которые она заключила влюбленного князя. Сунь делает непристойный намек, как бы отождествляя древнюю фею с лисой и веля ей воздержаться.

³⁰ *...посмеялась и поругалась*. – Слово *ма* значит не только «грубо ругать», но и то, что у нас называется «язвить», «ставить шпильки» и т. п.

³¹ *...высокое собрание*. – То есть парадное, чинное.

³² *На последнее место, вниз...* – Туда, где сидит хозяин-распорядитель, пригласивший гостей.

лису. Лиса отнекивалась, сказав, что не умеет пить вина. Тогда все стали просить ее сесть и беседовать. Она согласилась.

Вино обошло уже по нескольку раз. Публика решила бросать кости, играя под вина в так называемые «усы тыквы»³³. Один из гостей попал на тыкву и должен был, значит, пить. И вот он взял свою чарку, перенес на хозяйское место и сказал:

– Барынька-Лиса, вы такая чистая и трезвая... Возьмите-ка вместо меня пока эту чару и пейте!

Лиса засмеялась.

– Я ж не пью, – сказала она. – Но хотела бы изложить одну историю, чтобы помочь вам, моим почтенным гостям, пить!

Сунь заткнул уши: ему неприятно было слушать. Гости же предложили хором:

– Кто будет ругать человека, того штрафовать!

Лиса захохотала:

– Ну а если, положим, я буду ругать лису – то это как?

– Можно, – сказала публика.

И стали слушать, склонив уши, а лиса рассказывала следующее:

– В былые дни некий сановник выехал послом в государство красноволосых³⁴ и надел на себя шапку из лисьих гру-

---

³³ «Усы тыквы» – образное выражение для понятия штрафа и наказания, поражающих не только виновного, но и всю его разросшуюся, как тыква, семью, даже невинных. По-видимому, игра состоит в сложной ответственности многих за неудачу одного, связанную с промахом соседа.

³⁴ ... в государство красноволосых ... – Красноволосые, или рыжеволосые, – название, издавна присвоенное в Китае европейцам. Так как у всех без исключения

док³⁵. Приехал и представился тамошнему царю.

Царь увидел эту шапку и удивился.

«Что это за шкура, – спросил он, – у нее такой нежный и густой волос?»

Сановник ответил, что это лиса.

«Об этой твари, – сказал царь, – мне во всю жизнь не приходилось ничего слышать! Этот знак *ху* – в каком роде будет его начертание?»

Посланник стал писать в воздухе³⁶ и докладывать царю:

«Справа – большая тыква, слева – маленький пес»³⁷.

китайцев (если не считать случайных альбиносов) волосы совершенно черные, то резкий контраст белокурых и особенно рыжих европейцев понятен. Прежде всех этот эпитет относится к голландцам, с которыми китайцы познакомились раньше, чем со многими другими европейцами. У Пу Сун-лина есть рассказ «Ковер красноволосых», напоминающий миф о Дидоне.

³⁵ ...шапку из лисьих грудок... – Считается самым дорогим мехом, тем более что нужно собрать его со многих шкур. Ценность этой роскоши давно уже вошла в поговорку.

³⁶ *Посланник стал писать в воздухе...* – Китайцы не воспринимают на слух большинства слов книжного, идеографически мыслимого языка и описывают их или при помощи указания составных частей (как сейчас будет видно), или начертанием на ладони, стене, в воздухе и т. п.

³⁷ «Справа – большая тыква, слева – маленький пес». – Знак *ху* («лисица») действительно состоит из знака «тыква» (*гуа*), который лишь напоминает чтение иероглифа безотносительно его значения, и знака «собака» (*цзоань*), определяющего общий сорт изображенного предмета («маленький пес», то есть знак «пес», написанный по требованиям китайской каллиграфии в уменьшенном виде, чтобы не портить пропорций целого иероглифа). Шараду эту надо, конечно, читать иначе, а именно: «Справа (от меня, лисы) сидит большая тыква (дурак), а слева – собака!» Комплименты для гостей неважные, но сказанные с якобы невинным

Гости и хозяин опять захохотали на весь дом.

Двое из гостей были братья Чэни. Одного звали Чэнь Со-цзянь³⁸, а другого – Чэнь Со-вэнь³⁹. Видя, что Сунь сидит сильно сконфуженный, один из них сказал:

– Куда, скажите, девался самец-лис, что он позволяет своей самке-лисе источать подобный яд?

Лиса продолжала:

– Только что рассказанная история еще ведь не окончена, а меня уже сбил с толку этот ваш собачий лай... Позвольте же кончить! Далее, значит, царь этой страны, видя, что посланник приехал на муле, тоже чрезвычайно изумился... Тогда посланник стал докладывать ему:

«Он рожден от лошади!»

Царь удивился еще больше.

«В Срединном царстве, – продолжал посланник, – лошадь рождает мула, а мул рождает жеребенка».

Царь стал внимательно расспрашивать, как это бывает.

Посланник докладывал:

«Лошадь родила мула – это слуга вашего величества видел⁴⁰. Мул родил жеребенка – это слуга вашего величества

остроумием.

³⁸ Чэнь Со-цзянь – «То, что Видано».

³⁹ Чэнь Со-вэнь – «То, что Слыхано». Переводчик просит запомнить эти два перевода имен собственных.

⁴⁰ ...это слуга вашего величества видел ... – Принимая во внимание, что одного из гостей зовут Чэнь Со-цзянь, а другого (брата) – Чэнь Со-вэнь, острота становится понятной в таком виде: «Лошадь принесла мула – это слуга его величества

слышал».

На всех креслах опять громко захохотали. Публика, зная теперь, что лису не переговоришь, решила после этого, что тот, кто первый начнет над кем издеваться, да будет оштрафован и станет, так сказать, «хозяином восточных путей»⁴¹.

Вскоре от вина стали хмелеть. Сунь, шутя, обратился к Ваню:

– Возьмем какую-нибудь двойную строку⁴², – пожалуйста, подберите!

– Именно? – спросил Вань.

Сунь сказал:

– Публичная дева выходит из ворот, спрашивает о возлюбленном человеке. Когда приходит: «Миллион счастья!»⁴³

(чэнь) видел (соцзянь); мул родил жеребенка – это слуга его величества слышал (совэнь)», то есть мул – это Чэнь Со-цзянь, а жеребенок – это Чэнь Со-вэнь, оба – животные, скоты.

⁴¹ ... «хозяином восточных путей». – То есть хозяином, приглашающим на свой счет пировать гостей. Восточные пути по отношению к западному уделу Цинь преграждали ему распространение с завоевательными целями. Отсюда понятие хозяина.

⁴² Возьмем какую-нибудь двойную строку... – Китайцы сызмальства приучались подбирать, так сказать, соответствующие друг другу по разным причинам и признакам слова («небо-земля», «дождь-снег» и т. п.). В двойной фразе полагается подобрать соответствующие части с таким строгим расчетом, чтобы они укладывались ровно тем же порядком и в тех же грамматических значениях, но давали новый смысл, гармонирующий с первой строкой или фразой.

⁴³ «Миллион счастья!» – Ваня зовут, как мы видели, Фу, то есть Вань Фу, что значит «Миллион счастья!» (собственно, 10 000). Это обычное в древности приветствие женщины по адресу мужчины. Фразу, следовательно, надо внутренне

Когда уходит: «Миллион счастья!»

На всех креслах разом погрузились в думу, но подобрать не могли. Лиса засмеялась.

– А у меня есть! – сказала она.

Публика прислушалась. Лиса читала⁴⁴:

– Драконов князь⁴⁵ издает указ, ища прямого (честного) советчика. Черепаха-бе – тоже может сказать⁴⁶. Черепаха-гуй – тоже может сказать!

В креслах, со всех четырех сторон, не было человека, который бы не опрокинулся в изнеможении.

– Послушайте, – сказал рассерженный Сунь, – ведь только что мы заключили с вами условие... Как это вы опять не воздержались?

– Винá действительно за мной, – рассмеялась лиса. – Однако, не будь этих слов, не удалось бы подобрать как следует.

понимать так: «Эта девка (лиса) только и знает что своего возлюбленного Вань Фу. Вань Фу да Вань Фу – и больше ничего... А на нас, других, не обращает внимания. Тоже вкусы!»

⁴⁴ Лиса читала... – Переводчик рекомендует сопоставить слово за словом с предыдущей строкой.

⁴⁵ Драконов князь... – То есть повелитель подводного царства, который распоряжается рыбами, черепахами и т. п.

⁴⁶ Черепаха-гуй – тоже может сказать! – Принимая во внимание, во-первых, что слово «черепаха» является самым поносным ругательством в Китае, где неприкосновенность брачного союза (с женской стороны) оберегается самым суровым образом и где черепахой называют мужа, которому изменяет жена, а во-вторых, что имя Суня, предложившего шараду, Дэ-янь, то есть «может сказать», нужно внутренне понимать эту фразу так: «Этот Сунь Дэ-янь и так черепаха (дурак, простофиля, осел, скотина и т. д.), и этак не лучше!»

Завтра утром устрою обед, чтобы искупить свой грех!

Посмеялись – на этом и кончили.

Всех таких мастерских шуток и остроумия лисы никогда и никому не передать.

Через несколько месяцев она вместе с Ванем поехала к нему на родину. Добрались до границы Босина⁴⁷.

– У меня в этих местах, – сказала она Ваню, – есть кое-какая родня, с которой я давным-давно прервала отношения. Нельзя, однако, чтоб разок хоть к ним не зайти. Время сейчас, знаешь, позднее, так что мы с тобой вместе у них переночуем, а утром в путь. Так и ладно будет!

Вань спросил, где же они живут. Она показала, прибавив, что это недалеко. Ваню это показалось странным, ибо раньше здесь никакого жилья не было, но он решил: будь что будет – и пошел за ней. *Ли* через два⁴⁸ действительно показалось село, в котором он отродясь никогда не бывал. Лиса подошла и постучалась в ворота. К воротам вышел какой-то сероголовый⁴⁹. Они вошли – и увидели перед собой ряд дверей, друг за другом, и здания, громоздящиеся одно над другим. Красиво, замечательно – точь-в-точь как у именитых

---

⁴⁷ *Босин* – уезд, в котором, как мы видели, жил Вань.

⁴⁸ *Ли через два*... – около версты.

⁴⁹ ...*сероголовый*. – то есть слуга. Пу Сун-лин, по обыкновению, пользуется древним языком, на котором сероголовыми назывались слуги, повязывавшие себе голову серым, вернее, синим платком, чтобы отличаться от других людей, носивших на черных волосах черные шапки. Теперь таких различий, как и во времена Пу Сун-лина, конечно, нет.

богачей!

Сейчас же их провели к хозяевам. Старик и старуха сделали Ваню приветственное движение и усадили его. Накрыли стол полным-полно всяческой роскошью и обращались с Ванем, как с зятем.

После обеда остались ночевать. Лиса явилась к Ваню рано и заявила:

– Если я сейчас же приду домой с тобой вместе, то, боюсь, как бы не напугать людские толки. Иди-ка ты вперед, а я приду за тобой следом.

Вань поступил так, как она ему сказала, пришел первым и предупредил домашних. Вскоре пришла и лиса. Она говорила и смеялась с Ванем, но все только слышали, человека самого было не видно.

Прошел год, у Ваня опять были дела в Цзи⁵⁰, и лиса опять пошла с ним вместе.

Вдруг появилось несколько человек, с которыми лиса вступила в беседу, с величайшим оживлением болтая с ними о холоде и тепле...⁵¹ Затем она обратилась к Ваню:

– Я, видишь ли ты, собственно-то говоря, живу в Шане⁵². Так как у меня с тобой давнишняя связь судьбы, то я и была

---

⁵⁰ ...были дела в Цзи... – в Цзинаньфу, где Вань впервые встретился с лисой.

⁵¹ ...болтая с ними о холоде и тепле... – то есть о погоде и всяких интимных пустяках.

⁵² ...живу в Шане. – то есть в Западном Китае (в губернии Шэньси). Без железных дорог расстояние, конечно, кажется большим.

с тобой столько времени. А вот сегодня прибыли мои братья, и я хочу с ними поехать к себе, так что не могу уже тебе во всем угодить!

Вань удерживал ее. Не согласилась и тут же ушла.

Хэн-нян о чарах любви

Хун Да-е жил в столице. Его жена, из рода Чжу, обладала чрезвычайно красивой наружностью. Оба они друг друга любили, друг другу были милы. Затем Хун взял себе прислугу Бао-дай и сделал ее наложницей. Она внешностью своей далеко уступала Чжу, но Хун привязался к ней. Чжу не могла оставаться к этому равнодушной, и друг от друга отвернули супруги глаза. А Хун, хотя и не решался открыто спать ночью у наложницы, тем не менее еще более привязался к Бао-дай, охладев к Чжу.

Потом Хун переехал и стал соседом с торговцем шелками, неким Ди. Жена Ди, по имени Хэн-нян, первая, проходя через двор⁵³, посетила Чжу. Ей было за тридцать, и с виду она только-только была из средних, но обладала легкой и милой речью и понравилась Чжу. Та на следующий же день отдала ей визит. Видит – в ее доме тоже имеется, так сказать, «маленькая женочка», лет этак на двадцать с небольшим, хорошенькая, миловидная. Чуть не полгода жили соседями, а не слышно было у них ни словечка брани или ссоры. При этом Ди уважал и любил только Хэн-нян, а, так сказать, «подсобная спальня» была пустою должностью, и только.

Однажды Чжу, увидев Хэн-нян, спросила ее об этом:

---

⁵³ ...проходя через двор... – Очевидно, обе семьи жили на одном большом дворе, в бывшем богатом доме.

– Раньше я говорила себе, что каждый «мил человек»⁵⁴ любит наложницу за то именно, что она наложница, и всякий раз при таких мыслях мне хотелось изменить свое имя жены, назвавшись наложницей. Теперь я поняла, что это не так... Какой, скажите, сударыня, вот у вас секрет? Если б вы могли мне его вручить, то я готова, как говорится, «стать к северу лицом и сделаться ученицею»⁵⁵.

– Эх ты! – смеялась Хэн-нян. – Ты ведь сама небрежничаешь, а еще винишь мужа! С утра до вечера бесконечной нитью прожужжать ему уши – да ведь это же значит «в чащи гнать пичужек»⁵⁶. Разлука усиливает их чрезвычайно. Слетятся они и еще более предадутся своему вовсю... Пусть муж сам к тебе придет, а ты не впускай его. Пройдет так месяц, я снова тебе что-нибудь посоветую.

Чжу послушалась ее слов и принялась все более и более наряжать Бао-дай, веля ей спать с мужем. Пил ли, ел ли Хун – всякий раз она непременно посылала Бао-дай быть вместе с ним.

---

⁵⁴ ...«мил человек»... – обычное название супруга.

⁵⁵ ...«стать к северу лицом и сделаться ученицею». – Государь сидел, по ритуалу древнего Китая, лицом на юг, а придворные стояли, значит, лицом к нему, то есть на север. Точно так же из крайнего уважения к учителю делали в отношении его и ученики.

⁵⁶ ...«в чащи гнать пичужек». – В книге мыслителя Мэн-цзы (ок. IV в. до н. э.) находим (IV А, 9): «В глубину вод кто гонит рыбу? – Выдра. – В чащи кто гонит пичужек? – Коршун. – К [доблестным завоевателям] Тану и У кто гнал народ? – [Разбойники-цари] Цзе и Чжоу». Пояснений не требуется.

Однажды Хун как-то кружным путем завернул и к Чжу, но та воспротивилась, и даже особенно энергично. Теперь все стали хвалить ее за честную выдержку.

Так прошло больше месяца. Чжу пошла повидаться с Хэн-нян. Та пришла в восторг.

– Ты свое получила, – сказала она. – Теперь ты ступай домой, испорти свою прическу, не одевайся в нарядные платья, не румянься и не помадься. Замажь лицо грязью, надень рваные туфли, смешайся с прислугой и готовь с нею вместе. Через месяц можешь снова приходить.

Чжу последовала ее совету. Оделась в рваные и заплатанные платья, нарочно не желая быть чистой и светлой, и, кроме пряжи и шитья, ни о чем другом не заботилась. Хун пожалел ее и послал Бао-дай разделить с ней ее труды, но Чжу не приняла ее и даже, накричав, выгнала вон.

Так прошел месяц. Она опять пошла повидать Хэн-нян.

– Ну, деточка, «тебя, как говорят, действительно можно учить»!⁵⁷ Теперь вот что: через день у нас праздник первого дня *сы*.⁵⁸ Я хочу пригласить тебя побродить по весеннему

---

⁵⁷ ...«тебя, как говорят, действительно можно учить»! – Она говорит словами древнего старца, который, испытав терпение одного молодого человека, будущей знаменитости, обещал научить его высшей мудрости и действительно научил.

⁵⁸ ...первого дня *сы*. – Первый день под циклическим знаком *сы* в третьей луне. В этот день древний обычай велел отправляться на реку и с орхидеей в руке мыться, отгоняя все нечистое, накопившееся за зиму. Конфуций этот обычай весьма одобрял. Впоследствии стали пользоваться этим днем для больших собраний на берегу реки, особенно однородными группами ученых стихотворцев,

саду. Ты снимешь все рваные платья и разом, словно высокая скала, восстанешь во всем новом: в халате, шароварах, чулках и туфлях. Зайди за мной пораньше, смотри!

– Хорошо, – сказала Чжу.

День настал. Она взяла зеркало, тонко и ровно наложила свинцовые и сурьмовые пласты, во всем решительно поступая, как велела Хэн-нян. Окончив свой туалет, она пришла к Хэн-нян. Та выразила ей свое удовольствие.

– Так ладно, – сказала она и при этом подтянула ей «фениксову прическу»⁵⁹, которая стала теперь блестеть так, что могла, как зеркало, отражать фигуры.

Рукава у ее верхней накидки были сделаны не по моде, Хэн-нян распоролла и переделала. Затем, по ее мнению, фасон у башмаков был груб. Она в замену их достала из сундука заготовки, и они тут же их доделали. Кончив работу, она велела Чжу переобуться.

Перед тем как проститься с ней, она напоила ее вином и наставительно сказала:

– Когда вернешься домой и заметишь мужа, то пораньше запрись у себя и ложись. Он придет, будет стучать

которые тут же слагали стихи, присуждали премии отличившимся и штрафовали вином плохих собратьев. Частый мотив в китайской поэзии.

⁵⁹ ...«*фениксову прическу*»... – Феникс и его самка – самые любимые в Китае символы супружеского счастья. Женские головные украшения, особенно брачная шляпка, изображают летящего феникса. Так было сначала принято для цариц и дворцовых дам, а потом мода, конечно, распространилась и на весь женский Китай. «Фениксова прическа» не только формой своей, но и шпильками, заколками и т. д. напоминает голову феникса.

в дверь – не слушайся. Три раза он крикнет, можешь один раз его принять. Рот его будет искать твоего языка, руки будут требовать твоих ног, на все это скупись. Через полмесяца снова придешь ко мне.

Чжу пришла домой и в ослепительном своем наряде явилась к мужу. Хун сверху донизу оглядывал ее; вытаращил глаза и стал радостно ей улыбаться, совсем не так, как в обычное время.

Поговорив немного о прогулке, облокотилась, подперла голову рукой и сделала вид, что ей лень. Солнце еще не садилось, а она уже встала и пошла к себе, закрыла двери и легла спать.

Не прошло и нескольких минут, как Хун и в самом деле пришел и постучал. Чжу лежала прочно и не вставала. Хун наконец ушел. На второй вечер повторилось то же самое. Утром Хун стал ее бранить.

– Я привыкла, видишь ли ты, спать одна... Мне непереносимо тяжело будет опять беспокоиться.

Как только солнце пошло к западу, Хун уже вошел в спальню жены, уселся и стал караулить. Погасил свечу, влез на кровать и стал любезничать, словно с новобрачной. Свился, сплелся с ней в самой сильной радости и, сверх того, назначил ей свидание на следующую ночь. Чжу сказала: «Нельзя» – и положила с мужем для обычных свиданий срок в три дня.

Через полмесяца с небольшим она опять навестила Хэн-

нян. Та закрыла двери и стала говорить:

– Ну, с этих пор можешь уже распоряжаться своей спальней одна и как угодно. Однако вот что я тебе скажу. Ты хоть и красива, но не кокетка. С твоей-то красотой можно у Западной Ши⁶⁰ отбить покровителя, а не только у подлой какой-нибудь!

Теперь она в виде экзамена заставила Чжу взглянуть вбок.

– Не так, – заметила она. – Недостаток у тебя в том, что ты выворачиваешь глаза.

Стала экзаменовать ее, веля улыbnуться, и опять сказала:

– Не так! У тебя плохо с левой щекой!

С этими словами она с осенней волной глаз послала нежность, а затем вдруг раскрыла рот, и тыквенные семена⁶¹ еле-еле обозначились.

Велела Чжу перенять. Та сделала это несколько десятков раз и наконец как будто что-то себе усвоила.

– Ну, теперь ты иди, – сказала Хэн-нян. – Возьми дома в руки зеркало и упражняйся. Секретов больше у меня не осталось. Что касается до того, как быть на постели, то дей-

---

⁶⁰ ...у Западной Ши... – Западная (по месту жительства ее родных) Ши, знаменитая красавица древности. Пораженный ее красотой, и особенно ее совершенно необыкновенным и мастерским кокетством, южный князь постарался воспитать в ней это умение до чрезвычайных размеров и затем... подослал к своему сопернику, которому она до того вскружила голову, что коварному князю ничего уже не стоило его разбить и захватить его владения.

⁶¹ ...тыквенные семена... – Белые зубы. Образ, известный еще древней, классической поэзии Китая.

ствуй соответственно обстоятельствам, применяясь к тому, что понравится... Это не из тех статей, которые можно передать на словах!

Чжу, придя домой, во всем стала действовать так, как учила Хэн-нян. Хун сильно влюбился, волнуясь и телом и душой, только и думая, как бы не получить отказ. Солнце еще только склонялось к вечеру, как он уже сидел у нее, любезничал и улыбался. Так и не отходил от двери спальни ни на шаг. И так, день за днем, это превратилось у него в обыкновение. Она, в заключение всего, так и не могла вытолкать его и прогнать.

Чжу стала еще лучше обходиться с Бао-дай. Каждый раз, устраивая в спальне обед, она сейчас же звала ее присаживаться вместе. А Хун смотрел на Бао-дай все более и более как на урод. Обед не кончился, а он ее уже выпроваживал.

Чжу обманным для мужа образом забиралась в комнату Бао-дай и запирала дверь на засов. Хуну всю ночь негде было, так сказать, себя увлажнить.

С этих пор Бао-дай возненавидела Хуну и при встречах с людьми сейчас же начинала жаловаться на него и поносить. Хуну же она становилась все более и более противна и выводила его из себя. Мало-помалу он стал доходить в обращении с ней до плетей и розог. Бао-дай разозлилась, перестала заниматься собой и нарядами, ходила в рваном платье и грязных туфлях; голова у нее была вроде ключев травы, так что уже нечего было считаться с ней как с человеком.

Хэн-нян однажды говорит Чжу:

– Ну-с, как тебе кажется мой секрет?

– Основная правда, – отвечала Чжу, – конечно, в высшей степени очаровательна. Однако ученица могла идти по ней, а в конце концов так и не познать ее. Вот, например, что значило, как вы говорили, «дать им полную волю»?

– А ты разве не слыхала, что человеческому чувству свойственно тяготиться старым и восторгаться новым, уважать то, что трудно дается, и не ценить того, что легко? Муж любит наложницу, это не обязательно значит, что она красива. Нет, это значит, что ему сладки внезапные захваты и манят счастьем трудно дающиеся встречи. Дай ему вволю насытиться, и тогда жемчужины, скажем, и деликатесы и те надоедят; что ж говорить о похлебке из лопуха?

– А что значило: сначала замараться, а потом блистать?

– Ты отстала и не была на глазах; ему казалось, что наступила долгая разлука. Потом вдруг он увидел тебя в пышной красоте – и это было для него то же, как если б ты только что появилась. Смотри, например, как бедный человек, который вдруг получил рис и мясо, начинает смотреть на грубую крупу как на безвкусицу. Притом же ты ему не легко давалась – и вышло, что она-де нечто старое, а ты новость; она дается легко, а с тобой трудновато. Это ведь и был твой способ поменять место жены на наложницу!

Чжу это очень понравилось, и обе стали задушевными подругами на своих женских половинах.

Прошло несколько лет. Вдруг она говорит Чжу:

– Мы обе с тобой чувством своим словно одна. Я, конечно, должна была не скрывать от тебя своей жизни и давно уже хотела тебе ее рассказать, но боялась, что ты потеряешь ко мне доверие. Теперь же, перед своим уходом и на прощанье, я решусь сказать тебе все по совести. Я, видишь ли, лисица. В молодости своей мне пришлось пострадать от мачехи, которая продала меня в столицу. Муж мой, однако, обращался со мною великодушно и хорошо, так что я не решалась сейчас же с ним порвать и вот в полной любви дожила до сего дня. Завтра мой старик-отец начнет отделяться от своего трупа⁶², и я пойду его повидать и больше сюда уже не вернусь.

Чжу схватила ее за руки и принялась горько вздыхать. Рано утром она отправилась повидать ее, но весь дом был в крайней тревоге и в смятении: Хэн-нян исчезла.

Автор этих странных историй сказал бы при этом следующее:

Купивший жемчуг не ценил жемчуг, а ценил коробку⁶³.

---

⁶² ...отец начнет отделяться от своего трупа... – то есть после смерти его труп начнет исчезать, как полагается бессмертному, перешедшему в это состояние после внешней смерти.

⁶³ Купивший жемчуг не ценил жемчуг, а ценил коробку. – Одна из притчей писателя даосской школы говорит, что некто продал другому человеку жемчуг, для которого он сделал коробку из мимозы, надушил ее пахучим перцем, обвинил ее розами и перевязал изумрудным листом. Покупатель взял коробку, а жемчуг воз-

Чувства к новому и старому, к трудному и легкому таковы, что тысячелетия не могли разрушить эти заблуждения. Но именно среди них-то и удается проводить средства, как превратить ненависть в любовь.

Древний подлый министр, льстиво служа царю, не допускал его до людей, не давал ему взглянуть в книги⁶⁴.

Отсюда мне ясно, что, для того чтобы куда-нибудь втиснуться и укрепить там свой фавор, имеются способы особых традиций.

вратил продавцу.

⁶⁴ ...не давал ему взглянуть в книги. – Евнух Чоу Ши-лян, служивший в VII в. танскому государю У, учил сотоварищей: «Смотрите будьте осторожны: не давайте царю читать книги и приближаться к ученым книжникам, а то, как только он увидит, в чем было процветание и где была гибель царств и династий, он ощутит в сердце тревогу – и нас всех казнит».

Чжэнь и его чудесный камень

Чаньяньский чиновник Цзя Цзы-лун, проходя случайно по соседнему переулку, встретил какого-то незнакомца, обладавшего живым, элегантным духом. Спросил, кто такой. Оказалось – студент Чжэнь из Сяньяна, снявший здесь временное помещение. Цзя всем сердцем увлекся им и на следующий же день пошел занести ему свой визитный листок. Студента как раз он не застал. Заходил после этого еще три раза – и все не мог его поймать. Тогда он тайно отправил своего человека подсмотреть, когда Чжэнь будет дома, и затем пошел к нему. Чжэнь притаился и не выходил. Цзя пошел шарить по дому, и наконец Чжэнь вышел. Прижали друг к другу колени, изливаясь в беседе. Поняли друг друга и очень полюбили.

Цзя явился в гостиницу и послал мальчика за вином. Чжэнь, вдобавок ко всему, оказался умелым выпивалой, причем ловко острил. Обоим было очень весело и приятно. Когда вино уже готово было кончиться, Чжэнь поискал в своем сундучке и достал оттуда сосуд для выпивания. Это была яшмовая чарочка без дна. Чжэнь влил в нее вина, глядь: а она полна через край! Тогда он взял чарку поменьше и стал ею вычерпывать в чайник. И сколько он ни черпал, вино в чарке нисколько не убывало.

Цзя подивился и стал настойчиво выспрашивать у него

тайну.

– Я, знаете, не хотел свиданья с вами, – сказал Чжэнь, – и это вот почему: у вас никаких иных недостатков нет, кроме еще не очищенного алчного сердца. А это – тайное средство бессмертных людей. Могут ли я его вам передать?

– Что за несправедливость! – воскликнул Цзя. – Да разве я жадный человек? Если и рождаются где-то во мне по временам мечты о роскоши, то только оттого, что я беден!

Посмеялись и разошлись.

С этих пор стали заходить друг к другу без перерыва, совершенно забывая, кто к кому. Но каждый раз, как Цзя случилось бывать в затруднительном положении, Чжэнь сейчас же доставал кусок какого-то черного камня, дул и наговаривал над ним, потом тер им о черепки и обломки, которые сейчас же превращались в серебро. И он дарил это серебро Цзя, причем только-только чтобы тому хватало на расходы – никогда больше, ничего лишнего. Цзя же всегда просил прибавить.

– Говорил же я, что ты жаден! Ну что это такое? Ну что это такое?

Цзя был убежден, что если ему говорить открыто, то дело ни за что не удастся, и принял решение воспользоваться его пьяным сном, чтобы украсть камешек и затем предъявлять ему требования. И вот однажды, после того как они напились и легли, Цзя тихонько поднялся и стал шарить в глубине одежды Чжэня. Тот заметил.

– Ты, скажу тебе теперь по правде, – промолвил он, – погубил свою душу. Нельзя тут жить!

Простился с ним и ушел; нанял себе другое помещение.

Прошло этак с год. Цзя гулял как-то на берегу реки; заметил камень, блистающий, весь чистый, необыкновенно напоминающий вещицу студента Чжэня. Подобрал и стал беречь, как драгоценность и сокровище.

Через несколько дней вдруг к нему пришел Чжэнь с удрученным видом, словно у него случилась какая-то потеря. Цзя выразил ему сочувствие и ласково стал его спрашивать.

– Ты видел у меня, помнишь, камень, который превращал черепки в драгоценный металл. В давние дни, когда я дружил и странствовал с Бао-чжэнь-цзы⁶⁵, он полюбил меня за твердость и стойкость; подарил мне эту вещь. А я в пьяном виде ее потерял. Погадав тайно, я открыл, что она должна быть у тебя. Если ты сжалишься надо мной, как, помнишь, в истории с «возвращением пояса»⁶⁶, то я не посмею забыть о благодарности.

Цзя засмеялся.

– Я в своей жизни, – сказал он, – никогда не смел обманы-

---

⁶⁵ Бао-чжэнь-цзы. – «Мыслитель, объяввший истину», прозвание даоса-алхимика.

⁶⁶ ...в истории с «возвращением пояса»... – Некая женщина, желая задобрить высокопоставленное лицо древности, случайно зашедшее в какой-то храм, оставила там, как бы забыв, три драгоценных пояса. Сановник вернул ей их. Гадатель, обсуждая этот случай, отказался от прорицания и нашел, что тут действуют какие-то тайные наследственные доблестные силы души.

вать друга. Действительно, как ты гадал, так и есть! Однако кто, скажи, лучше знал о бедности Гуань Чжуна, как не Бао Шу?⁶⁷ Ну а ты как поступишь?

Чжэнь просил разрешения подарить ему сто *ланов*.

– Сто *ланов*? – сказал Цзя. – Немало! Передай лишь мне твой наговор и дай мне лично попробовать... Отдам без всякой досады!

Чжэнь выразил опасение, что ему вряд ли можно поверить.

– Послушай, друг, – сказал на это Цзя, – ты ж ведь святой: разве не знаешь ты, что Цзя не может потерять доверие друга?

Чжэнь передал ему наговор. Цзя, усмотрев на крыльце большой камень, хотел испробовать на нем, но Чжэнь схватил его за локоть и не давал двинуться вперед. Тогда Цзя подобрал половинку кирпича, положил на булыжник и сказал:

– Ну а в таком роде штука – не много будет?

Чжэнь разрешил, но Цзя стал тереть не кирпич, а булыжник. Чжэнь весь изменился в лице и хотел вступить с ним в драку, как булыжник уже превратился в слиток серебра. Цзя вернул камень Чжэню.

– Ну, раз сделано такое дело, – сказал со вздохом Чжэнь, – о чем тут дальше разговаривать? Тем не менее наградить че-

---

⁶⁷ ...о бедности Гуань Чжуна, как не Бао Шу? – Гуань Чжун, знаменитый политический мыслитель и деятель VII в. до н. э., в молодости своей дружил с Бао Шу, который не сердился на его жадность к деньгам, выражавшуюся в обсчитывании, ибо понимал чувства бедного человека.

ловека совершенно зря счастьем и благополучием – значит непременно навлечь на себя небесную кару... Вот что: если мне можно будет избежать наказания, то согласишься ли ты пожертвовать за меня штук сто гробов да готовых одежд из оческов ваты штук тоже сто?

– Зачем, скажи, я хотел достать деньги, а? – спросил Цзя. – Конечно, не для того, чтобы хранить их в яме! Ты все еще смотришь на меня как на раба, стерегущего богатства!

Чжэнь выразил свое удовольствие и удалился.

Цзя, завладев серебром, стал, с одной стороны, благотворить, с другой – на него торговать. Не прошло и трех лет, как все, что положено было раздать, было роздано полностью.

Вдруг появился Чжэнь, взял его за руку и сказал:

– Ты, друг, действительно честный человек. После нашей с тобой разлуки дух счастья доложил небесному богу, и меня вычеркнули из списков святых. Но с тех пор, как ты почтил меня своими щедрыми дарами, мне за эти добрые дела и заслуги удалось погасить положенную кару. Я хочу, чтобы ты старался дальше... Не разрушай дела!

Цзя поинтересовался узнать, какую должность на небесах исполняет Чжэнь.

– Я, видишь ли, лис, обладающий сверхземным Дао-Путем. Происхождения я самого ничтожного и не мог допустить себя до оков греха. Вот почему всю жизнь свою я себя щадил и не смел ничего делать зря.

Цзя поставил вина, и они предались веселому выпиванию,

точь-в-точь как то делали в прежнее время.

Цзя дожил до девяноста с чем-то лет. Лис появлялся у него от времени до времени.

Крадет персик

Когда я был еще мальчишкой, я как-то пошел в главный город. Мой приход совпал с весенним праздником⁶⁸. По старому обыкновению, за день перед этим во всех лавках и у всех продавцов разукрашивались здания, где били в барабаны и дудели в трубы. Народ шел в приказ *фаньтай*⁶⁹. Это называлось «дать театр весне».

Я с товарищами пошел повеселиться и поглазеть. Гуляющих в этот день было прямо-таки стена. В зале сидели четыре важных чиновника, одетых в красное платье и поместившихся друг против друга на восток и запад. В те дни я был еще дитя и не мог разобрать, что это были за чиновники. Я слышал лишь гудение человеческих голосов, гром барабанов и вой труб, положительно меня оглушавших.

Вдруг появился какой-то человек, ведший за руку мальчугана с растрепанными волосами, а на плече несший коромысло с грузом. Он поднялся наверх, имея, по-видимому, что-то сообщить сидевшим там господам. Однако тысячи голосов кипели и волновались так, что я не слышал, что он там говорил. Мне видно было лишь, что в зале наверху смеялись.

Вслед за тем появился синий служитель⁷⁰ и громким голо-

---

⁶⁸ ...совпал с весенним праздником. – Праздник весеннего равноденствия.

⁶⁹ *Фаньтай* – губернский казначей, второе после губернатора лицо.

⁷⁰ *Синий служитель* – сторож из канцелярии местного правителя.

сом велел показать фокусы. Этот самый человек, получив такое приказание, сейчас же встал и спросил, какие фокусы надо показывать. В зале переглянулись и обменялись несколькими словами. Сторож спустился к нему и спросил его от имени господ, в чем он наиболее силен. Он отвечал, что может вырастить вещь шиворот-навыворот. Сторож пошел сообщить это господам чиновникам. Через минуту он спустился опять и велел фокуснику стащить персик. Тот громко согласился. Он снял с себя одежду и покрыл ею свой сундучок. Затем сделал недовольную гримасу и сказал:

– Ах, господа, господа властители! Вы не знаете, не понимаете! Ведь твердые льды еще не растаяли... Откуда ж, скажите, достану я вам персик?.. Однако, если мне его вам не принести, боюсь, рассердится сидящий к югу лицом⁷¹... Ну как мне быть?

– Отец, – сказал мальчик, – раз ты уже дал обещание, как же теперь отказываться?

Фокусник довольно долго стоял в унылом раздумье.

– Ну, – сказал он наконец, – я все это зрело и окончательно обдумал. Теперь еще только начало весны, снега еще лежат кучами. В мире людей где тут искать это самое? А вот в садах Ванму⁷² персик во все четыре времени года никогда не вянет

---

⁷¹ ...рассердится сидящий к югу лицом... – Высший местный чин, как бы замещающий государя, который по древней традиции должен сидеть лицом к югу.

⁷² Ванму – царица фей, живущая на далеком западе. В ее садах цветет вечный персик, дающий плод раз в 3000 лет.

и не отходит. Там, вероятно, найдется, а коль найдется, надо будет, значит, его с неба украсть – вот и все!

– Еще чего! – сказал ему сын. – По-твоему, на небо по ступеням, что ли, можно взойти?

– А вот у меня есть такой способ, – сказал фокусник.

И с этими словами он открыл свой сундучок: оттуда вытащил свернутую веревку, примерно на несколько сажен расправил ее конец и бросил его в воздух. И тотчас же веревка встала в воздухе, выпрямившись и словно за что-то зацепившись. Не прошло и нескольких мгновений, как он снова подкинул, и чем больше подкидывал, тем выше уходила веревка. Вот уже она там, где-то в неразличимой выси, ушла в тучи, и в то же время в руках фокусника она уже была вся.

– Иди сюда, сынок! – крикнул фокусник. – Я уже старый и дряхлый человек. Тело стало тяжелое, неповоротливое. Я не могу туда идти. Мне нужно, чтобы сходил ты!

С этими словами он вручил веревку сыну.

– На, держи ее, – добавил он, – и можешь лезть!

Сын взял веревку с крайне нерешительным видом и сказал отцу недовольным тоном:

– Папа, какой ты, право, глупый-преглупый! Ты хочешь, чтобы я доверил себя этой веревке-ниточке и полез в высь небес, на десятки тысяч сажен... А вдруг да среди дороги она лопнет или разорвется?.. Останутся ли хоть косточки мои?

Отец снова принялся понуждать его, крича и наседая.

– Я, – твердил он, – уже, как говорится, «потерял из уст

своих»⁷³; каюсь, да не вернешь... Потрудишься, мальчик мой, сходи... Да ты, сыночек, не горюй... Украдешь, принесешь – нам с тобой пожалуют господу сотенку серебром, и я, уж так и быть, возьму тебе красавицу-жену!

И вот сын ухватился за веревку и, извиваясь по ней, стал лезть вверх. Он перебирал руками, за которыми шли следом ноги, и лез, словно паук по паутине. Лез, лез – и понемногу стал уже входить в тучи, в высокое небо, где его стало больше не видеть.

Прошло довольно долгое время – и вдруг упал персик, величиной с хорошую чашку. Фокусник пришел в восторг, схватил персик и поднес господам в зале. В зале стали друг другу его передавать, рассматривать... Прошло опять порядочное время, а господа не могли понять, настоящий это или фальшивый.

Вдруг веревка упала на землю. Фокусник принял испуганный вид.

– Погибло все! – кричал он. – Там наверху кто-то срезал мою веревку. На чем же будет теперь мой сын?

Через несколько минут что-то упало. Фокусник посмотрел – оказывается, то была голова его сына. Он схватил ее обеими руками и стал плакать.

– Значит, он там крал персик, – причитал отец, – а надзиратель заметил... Сынок, пропал ты!

Прошло еще некоторое время. Упала одна нога. За ней

---

⁷³ ... «потерял из уст своих»... – Сказал лишнее.

вскоре стали падать вразброд разные члены тела... И наконец там больше от него ничего не оставалось.

Фокусник был сильно удручен. Подобрал все, кусок за куском, сложил в сундук и закрыл его.

– Только этот один сын у меня и был, – причитал он, – каждый день мы с ним, бывало, бродили то на юг, то на север... А вот теперь, повинувшись господскому строгому повелению, сам того не ожидая, попал он в такую непостижимую беду. Придется тащить его на себе, где-нибудь зарыть...

Он поднялся в зал и стал там на колени.

– Из-за этого самого персика, – начал он, – я убил своего сына. Пожалейте ничтожного человека, помогите на похороны... Я тогда придумаю, как вас отблагодарить, «свяжу хоть соломы»⁷⁴, как говорится, что ли!..

Господа, заседавшие в зале, были крайне поражены, сидели в полном недоумении. Каждый дал фокуснику серебра. Тот принял и спрятал в пояс.

Тогда он хлопнул по сундуку и крикнул:

– Бабар, ты что ж не выходишь поблагодарить? Чего там ждешь?

И вдруг какой-то мальчик с взлохмаченной головой приподнял ею крышку сундука и вышел, повернулся на север⁷⁵

---

⁷⁴ ...«*свяжу хоть соломы*»... – Намек на исторический анекдот о том, как один старик, благодарный за устройство судьбы своей несчастной дочери, явился незримым порядком на поле сражения и помог ее благодетелю победить, связав противника соломенными путами.

⁷⁵ ...*повернулся на север*... – То есть лицом к восседавшим господам.

и поклонился в землю. Это был его сын.

До сих пор все еще помню этот фокус: очень уж он был необыкновенный!

Потом мне довелось слышать, что эти штуки умеют проделывать Белые Лотосы⁷⁶... Так что уж не их ли отпрыск был этот человек?

---

⁷⁶ *Белые Лотосы* – изуверское сектантство, приурочившее себя к буддийскому вероучению и обосновавшееся на сверхъестественной медиумизации и вообще на способах действовать на воображение толпы.

Оскорбленный Ху

В Чжили⁷⁷ жила богатая семья, в которой хотели нанять учителя. Вдруг является некий *сюцай*⁷⁸, входит в ворота и рекомендуется; хозяин приглашает его войти. У сюцая открытая, живая речь, и он хозяину становится дружески приятным.

Сюцай назвал себя Ху. Хозяин вручил ему плату и оставил у себя в доме.

Ху вел уроки с большим усердием и отличался сочным проникновением – не чета какому-нибудь начетчику низшего типа. Однако случилось, что он уйдет гулять, а придет лишь поздно ночью. Запоры у дверей явно-явно наложены, а он, не постучав даже, уже сидит у себя в комнате. Все тогда высказали друг другу тревогу, решив, что это лис.

Тем не менее было ясно, что мысли у Ху определенно не злые, и его ублажали, чттили; не нарушали в отношении к нему строгой вежливости из-за того только, что это было странное, неестественное существо.

Ху знал, что у хозяина была дочь. Он стал домогаться брака и неоднократно давал это понять, но хозяин делал вид,

---

⁷⁷ *Чжили* – губерния Северного Китая, в которой находится столица Пекин (Бэйцзин – «Северная столица»).

⁷⁸ *Сюцай* – первый кандидатский разряд студентов. Поэтому на предыдущих страницах эти слова переводятся попросту: студент.

что не догадывается.

Однажды Ху отпросился в отпуск и ушел. На следующий день появился какой-то гость, привязавший у ворот черного осла. Хозяин встретил его и ввел в дом. Лет ему было за пятьдесят. Одет он был в свежее, чистенькое платье и такие же туфли. Вид у него был тихого и утонченного человека. Сели. Гость сказал о себе, и хозяин наконец узнал, что он, как говорится, стал для Ху льдом⁷⁹.

Хозяин молчал. Прошло довольно много времени.

– Ваш покорный слуга, – сказал он наконец, – с господином Ху уже друзья, и такие, про которых говорят, что между ними нет встречных огорчений. К чему непременно брачиться? Кроме того, скажу вам еще, что моя дочурка уже обещана другому. Позвольте утрудить вас передать господину мои извинения!

– Я определенно знаю, – сказал гость, – что прекрасный предмет вашей любви⁸⁰ еще лишь ждет помолвки... Зачем вы так усердно отказываете?

Повторил это дважды, трижды, но хозяин все твердил:

---

⁷⁹ ...стал для Ху льдом. – То есть сватом. Один человек видел во сне, что он стоит на льду и говорит с кем-то подо льдом. Снотолкователь объяснил, что мир надо льдом – это мужской мир света (*ян*), а подо льдом – женский мир мрака. Он же, как посредник между двумя мирами, мужским и женским, будет сватом между будущими мужем и женой.

⁸⁰ ...прекрасный предмет вашей любви... – То есть ваша дочь. В китайском вежливом языке личные местоимения изо всех сил избегаются, заменяясь описательными выражениями, в которых все лестное относится к собеседнику, а все унижительное – к говорящему.

нельзя. Гостю было, видимо, стыдно.

– Мы, Ху, – сказал он, – тоже, как говорится, родовитая семья⁸¹... Разве уж так мы ниже вас, сударь?

Хозяин тогда заявил определенно:

– Сказать по правде, у меня нет никаких прочих соображений, кроме только одного: я ненавижу его породу!

Гость, услыша это, разгневался. Рассердился и хозяин, и они стали нападать друг на друга все резче и резче. Гость вскочил и вцепился ногтями в хозяина. Хозяин велел слугам взять палку и прогнать его. Гость убежал, оставив своего осла.

Посмотрели на осла. Видят – шерсть у него черного цвета, придавленные уши, длинный хвост... Тварь огромная. Взяли его за узду, потянули – не двигается. Стали бить, а он под ударами так и упал: жж-жж... запело в траве насекомое.

Хозяин понимал, что, судя по его гневным речам, гость непременно явится отомстить, велел быть настороже. На следующий день и в самом деле огромной толпой явилось лисье войско, кто верхом, кто пеший, кто с копьем, кто с луком; лошади ржали, люди кипели: звуки, жесты – все смешалось в дикий-дикий хаос.

Хозяин не решился выйти из дому. Лис во всеуслышание сказал, чтобы подожгли дом. Хозяин пугался все сильнее и

---

⁸¹ ...родовитая семья... – Родовитыми семьями считались сначала только владетельные княжеские роды, а затем уже и всякие семьи, в которых были крупные сановники.

сильнее. Один из наиболее крепких повел за собой домашних слуг и с громким криком выбежал из дому. Залетали камни, дошли до стрел – с обеих сторон так и били, поражая и рая друг друга.

Лисы стали понемногу слабеть. Их увели беспорядочной толпой. На земле был брошен нож, блестящий ярко, словно иней или снег. Подошли, чтобы подобрать. Оказалось – это лист гаоляна⁸². Публика засмеялась.

– Ах, значит, вся их сноровка только в этом! – говорилось вокруг.

Однако из опасения, что они появятся снова, караулили еще строже.

На следующий день сидели и разговаривали, как вдруг с неба сошел какой-то великан, ростом в сажень с лишком и в несколько аршин поперек себя. Размахивая огромным ножом, величиной с дверное полотнище, стал убивать одного человека за другим. Тут все схватили в руки стрелы и камни и кто чем стали в него бить. Он свалился и издох. Оказывается – соломенный призрак⁸³.

Публике теперь это казалось все более и более легким, несерьезным. Лисы в течение трех дней более не появились, и публика тоже стала полениваться.

Как-то раз, только что хозяин влез в ретираде на рундук,

---

⁸² *Гаолян* – высокорастущее грубое просо. Стебель идет на топливо.

⁸³ ...*соломенный призрак*. – Соломенное чучело, изображающее слуг, жен и т. д. покойника и бросаемое с ним в могилу или сжигаемое.

как вдруг увидел лисье войско, появившееся с натянутыми луками и стрелами под мышкой. Начали в него беспорядочно стрелять. Стрелы вонзились ему в задние места. Хозяин, страшно перепугавшись, что было силы стал кричать, чтоб бежали драться, и лисы ушли. Вытащили стрелы – смотрят, а это стебли лопухов.

И в таком роде продолжалось с месяц, а то и больше. Лисы то приходили, то уходили – нерегулярно. Особого вреда, положим, они не наносили, но все же ежедневно люди несли строгий караул.

Однажды появился студент Ху⁸⁴ во главе своих войск. Хозяин вышел к нему сам. Ху, увидя его, скрылся в толпе. Хозяин окликнул его. Делать нечего – пришлось выступить.

– Ваш покорный слуга, – сказал хозяин, – считает, что он ни в чем не ошибся в смысле вежливого внимания к вам, сударь. Зачем же, скажите, вы подняли войска?

Толпы лис хотели стрелять, но Ху остановил их. Хозяин подошел, взял его за руку и пригласил войти в его прежнюю комнату. Тут он поставил вина и стал его угощать, говоря ему тихо и свободно:

– Вы, сударь, человек умный и должны меня извинить. При моем к вам чувстве и расположении, неужели я не был бы доволен вступить с вами в брачное родство? Только суди-

---

⁸⁴ Однажды появился студент Ху... – Лиса – по-китайски ху – созвучна с фамилией (очень распространенной) Ху. Автор рассказов не ответствен за наивную фантазию, сближающую таким порядком разные слова и знаки. В народе это не иначе.

те же сами: у вас все – и повозки, и лошади, и здания большею частью не те, что у людей. Моей дочери, находящейся в столь нежном возрасте, идти за вас – вы должны же это понять – невозможно. К тому же, знаете, пословица гласит: «Сорвешь тыкву сырой – во рту неприятно». Что вам в ней, сударь?

Ху сильно смутился.

– Не беспокойтесь, – сказал хозяин, – прежняя наша приязнь остается в силе. Если вы не отвергаете еще меня, считая меня мусором, то вот видите, младшему сыну в моем доме уже пятнадцать лет, и я хотел бы дать ему, как говорится в таких случаях, «с распоясанным чревом лежать у кровати»⁸⁵. Не знаю, насколько найдется ему подходящая?

– У меня, – сказал радостно Ху, – есть молоденькая сестренка. Она моложе вашего почтенного сыночка на год и очень даже недурна. Вот ее дать, как говорят, «в услужение по выметальной части»⁸⁶, – что вы на это скажете?

Хозяин встал и поклонился. Ху сделал ответный поклон. Затем хозяин стал потчевать Ху и был в отличном настрое-

---

⁸⁵ ... «с распоясанным чревом лежать у кровати». – Один человек III в. до н. э. послал своего ученика выбрать в семье Ван зятя. Тот велел ему выбирать любого и пройти в помещение сыновей. Вернувшись, ученик доложил, что все сыновья Вана прекрасны. Но все строго выдержанны и горды. Только один из них, при его приходе, лежал себе у кровати совершенно распоясанный, словно ему ничего не известно. «Этот-то и есть настоящий», – сказал тот, кто посылал. Настоящий оказался знаменитым писателем и каллиграфом Ван Си-чжи. Отсюда жених и зять называются в вежливом языке распоясанными.

⁸⁶ ... «в услужение по выметальной части»... – то есть в жены.

нии. Предыдущая ссора целиком была забыта. Он велел поставить вино и другие напитки для угощения тех, что пришли с Ху. И баре и люди веселились и тешились вволю.

Хозяин расспросил подробнее о местожительстве Ху, желая, как водится, поднести гуся⁸⁷, но Ху отказался. Свечерело; зажгли, продолжая пир, свечи, и Ху ушел совершенно пьяным. С этих пор все стало спокойно.

Прошел с чем-то год. Ху не появлялся. Кое-кто уже думал, что его сговор – одно вранье, но хозяин был тверд и ждал его.

Прошло еще полгода, и вдруг Ху пришел. Поговорили о тепле и холоде. Затем Ху сказал:

– Сестра моя совсем взрослая. Прошу вас подождать, когда будет счастливый день⁸⁸, в который нам послать ее служить свекру и свекрови.

Хозяин был крайне доволен. Тут же уговорились о сроке, и Ху ушел.

С наступлением ночи и в самом деле появились носилки и кони, привезшие молодую жену. Ее приданое было очень богатое, роскошное. Поставили среди комнаты – так заняло почти всю комнату. Молодая жена представилась свекрови. Она была мила и красива на редкость. Хозяин был очень доволен.

---

⁸⁷ ...как водится, поднести гуся... – по древнему обычаю одним из предбрачных действий является подарок семье невесты гуся.

⁸⁸ Прошу вас подождать, когда будет счастливый день... – То есть нанять гадателей, которые на основании хитрых чертежей и еще более хитрых книг вычислят и определят счастливый для брака день.

Приехал проводить сестру Ху и один из младших братьев. Оба они говорили очень тонко и умно. Да и пить умели тоже ловко. Ушли только на рассвете.

Молодая жена, оказывается, умела предсказывать урожайные и плохие годы. Поэтому во всех хозяйственных предприятиях с ней считались.

Братьев Ху с их матерью мог видеть каждый, когда они иногда являлись проведать молодую.

Невеста-монахиня Чэнь Юнь-ци

Студент Чжэнь Юй происходил из Илина в Чу⁸⁹. Он был сын второго кандидата⁹⁰, сам вполне владел стилем и отличался прекрасною наружностью. Он пользовался в этом отношении известностью еще с очень нежного возраста.

---

⁸⁹ ...*происходил из Илина в Чу*. – Китайский литературный стиль любит называть географические пункты соответственными им древними именами. Так, здесь Чу употреблено вместо Хубэй – настоящего названия губернии, о которой идет речь, в то время как Чу – название древнего удела, окончившего свое существование еще в III в. до н. э. Подобное же явление, как известно, наблюдается также в литературном стиле других языков (Альбион, Московия, Land of Sinim, Cathay).

⁹⁰ ...*сын второго кандидата*... – Собственно говоря, «сыновнею почтительностью и честностью прославленного». Еще во II в. до н. э. ханьский государь У-ди издал манифест, в котором приглашал все местности империи выбрать для управления себе подобными людьми тех, кто прославлен этими двумя основными с китайской точки зрения добродетелями. К ним впоследствии присоединились и «выдающиеся таланты». Еще в XVIII в., при первых государях династии Цин, полагалось повсюду выбирать достойнейших людей, отличающихся, помимо вышеуказанных добродетелей, еще и «прямотой и правомыслием (конфуцианским)», причем тех из них, которые отличались только добродетелями, не имея особых дарований, награждали знаками отличия шестого класса. Талантливых же везли в столицу, подвергали экзамену и давали им должность. Однако эта идеальная система едва ли не оставалась системой на бумаге ввиду слишком большого, открываемого ею поля для злоупотреблений и заменилась совершенно бумажною, но определенною системой литературных конкурсов. И самое название «сынопочтительного, честного (*сяолянь*)» свелось к литературному, необычному в обиходе дня словоупотреблению вместо всем известного *цзюйжэнь* – «рекомендованный», кандидат второй (из трех) степени.

Когда он был ребенком, один гадатель, посмотрев на его лицо, сказал так:

– Впоследствии ему суждено будет взять себе в жены даосскую монахиню⁹¹.

Отец с матерью сочли это за шутку. Стали уже приговаривать ему невесту, но, к их огорчению, все не могли ни на ком остановиться: одна была слишком низка, другая – слишком знатна.

Мать студента была урожденная госпожа Цзан. Ее родня жила в Хуангане⁹². Как-то раз по делам студенту пришлось туда идти, чтобы повидать свою вторую бабушку⁹³. Ему сказали там слова, ставшие поговоркой⁹⁴:

---

⁹¹ ...*взять себе в жены даосскую монахиню*. – Монахини-женщины пользуются в Китае скорее дурной, чем хорошею славой. Отчасти их оторванность от семьи и от связанного с нею регламента создает в умах семейных и патриархально настроенных людей предвзятое к ним нерасположение как к женщинам легкого поведения; отчасти же, не защищенные семьей от яростных покушений на нравственное достоинство и честь со стороны первого появившегося авантюриста, они действительно не могут устоять против хмеля житейского соблазна и падают в яму порока, что, конечно, усугубляет сильно преувеличенное в этом направлении общественное мнение. Как бы то ни было, «жениться на монахине» в Китае звучит еще более дико, чем звучало у нас.

⁹² *Ее родня жила в Хуангане*. – В той же губернии.

⁹³ ...*повидать свою вторую бабушку*. – Собственно, «внешнюю». «Внешней» родней называется родня жены, как не принимающая участия в создании «нутра», то есть недр семьи, разрастающихся только с помощью мужчин. Женщина же с выходом замуж окончательно отделяется от питавшего ее тела семьи и становится чужой принадлежностью, для которой ее внутренняя семья становится только «внешней».

⁹⁴ ...*слова, ставшие поговоркой*... – рифмованное двустипшие.

Четыре облака в Хуане⁹⁵:
Младшие не имеют равных.

Дело в том, что в этом уезде был храм Патриарха Люя⁹⁶, а в этом храме жили даосские монахи, все прекрасные собой. Отсюда и поговорка⁹⁷.

Этот небольшой храм был всего лишь в десяти с чем-то *ли* от деревни, где жили Цзаны, и наш студент тайком от них направился в храм. Постучался. И в самом деле, там оказались четыре даосские монахи. Они с большим самоуничижением и в то же время с большой охотой бросились его привечать-принимать. Вид у них был очень приличный, чистенький.

Та же из них, что была моложе всех, была так красива, что и во всем просторном мире ничего подобного нельзя было найти. Студенту она пришлась по душе: он устремил на нее весь свой взор. Она же, подперев рукой лицо, смотрела себе куда-то в сторону.

В это время три прочие девы-монахи собирали на стол посуду и кипятили чай. Студент воспользовался удобным

---

⁹⁵ *Четыре облака в Хуане...* – Как видно из дальнейшего, слово «облако» – составная часть имен собственных (монахинь).

⁹⁶ *Патриарх Люй* – маг, заклинатель и чудотворец Люй Дун-бинь, на котором сосредоточена значительная часть пиетета китайской народной религии.

⁹⁷ *Отсюда и поговорка.* – Пу Сун-лин не объясняет поговорки, не желая забегать вперед.

случаем, чтобы спросить у младшей, как ее имя и фамилия.

– Меня зовут Юнь-ци, – отвечала она. – А по фамилии – Чэнь!

– Странно, – сказал в шутку студент. – А ведь мне, ничтожному студенту, как раз фамилия Пань!⁹⁸

Чэнь краска бросилась в щеки. Она опустила голову и молчала. Потом поднялась и ушла.

Тут же сейчас заварили чай и стали подносить гостю отборные фрукты. Разговорились, сказали, как каждую зовут. Одна назвалась Бай Юнь-шэнь⁹⁹.

---

⁹⁸ ...как раз фамилия Пань! – В биографиях видных женщин китайской истории есть повествование об одной буддийской монахини, называвшейся Чэнь Мяо-чан (то есть тою же фамилией, как и Чэнь Юнь-ци) и отличавшейся необыкновенной красотой. Кроме своих природных отличительных качеств, она умела еще писать прекрасные стихи и играть на лютне. Некто Чжан Гань-ху, только что назначенный народоправителем на юг, проездом остановился на ночь в храме, где она жила. Она ему полюбилась, и чиновник стал слагать стихи в ее честь, желая ими склонить ее к любви. Однако монахиня сурово отвергла все его притязания. Прошло некоторое время, и она вступила в тайную связь с другом Чжана, неким Пань Фа-чэном, который об этом своем романе сообщил другу. Чжан велел Паню подать прошение, в котором указать, что Пань давно уже был за монахиню просватан. На этом прошении Чжан, как народоправитель, положил резолюцию: быть им обоим мужем и женой. Этот анекдот лег в основу известной лирической драмы. Пу Сун-лин предполагает его известным монахини, которая при сопоставлении своей фамилии Чэнь с вымышленною фамилией Пань поняла, что он намекает на возможную любовную с ней связь.

⁹⁹ *Бай Юнь-шэнь* – Подобно буддийским именам, даосские, исходя из общего принципа даосизма во всем копировать буддизм, стремятся придать себе вероисповедную значительность. В нижеследующих одно за другим именах главную роль играет слово *юнь* – «тучи», как местопребывание бессмертных, в лоно которых собирается, по идее учения, всякий даос. Юнь-шэнь, в частности, значит

Ей было тридцать с лишком. Другая оказалась Шэн Юнь-мянь. Этой было с чем-то двадцать. Третью звали Лян Юнь-дун. Она была в возрасте двадцати четырех – двадцати пяти лет, но считалась тем не менее младшей из всех.

Юнь-ци так и не появлялась. Это привело студента в крайнее уныние, и он спросил о ней.

– Эта девчонка¹⁰⁰, – отвечала Бай, – боится незнакомых людей!

Студент поднялся и стал прощаться. Бай употребляла все усилия, чтобы только его удержать, но он не остался и вышел.

– Вот что, – сказала Бай на прощанье, – коли хотите видеть Юнь-ци, можете снова завтра зайти!

Студент вернулся к своим; весь помысел его был охвачен самой пылкой любовью.

На следующий день он опять появился в храме. Даоски были дома, кроме одной Юнь-ци. Студенту было неудобно торопиться с вопросом, а девы-монашки уже накрыли на стол и оставляли его обедать. Студент усиленно отказывался, но его не слушали. Бай наломала ему хлеба¹⁰¹, дала в руку палочки¹⁰² и принялась самым усердным и сердечным обра-

---

«Тучи глубоки».

¹⁰⁰ Эта девчонка... – собственно, служанка.

¹⁰¹ Бай наломала ему хлеба... – нечто вроде большой, сухой, плоской и пресной лепешки.

¹⁰² ...дала в руку палочки... – Китайцы едят пищу, нарезанную до подачи на стол маленькими кусочками, при помощи тонких, круглых, тупых на концах палочек вершков шесть в длину. Они делаются из дерева разных сортов и из кости.

зом его угощать.

Наконец студент спросил:

– А где ж Юнь-ци?

– Придет сама, – был ответ.

Прошло опять довольно много времени. День, по-видимому, уже склонился к вечеру. Студент собрался уходить, но Бай задерживала его, ухватив за руки.

– Посидите пока здесь, – говорила она, – а я пойду и притащу нашу девчонку сюда, чтоб она имела счастье к вам явиться!

Студент остался. Сейчас же заправили лампы, собрали вина. Юнь-мянь тоже ушла. Вино уже обошло по несколько раз. Студент стал отказываться, говоря, что уже пьян.

– Выпейте три чарки, – сказала ему Бай, – тогда Юнь-ци выйдет!

Студент исполнил это, выпил, сколько ему было сказано. Тогда Лян, в свою очередь, поднесла ему столько же и стала

Палочки вкладываются, обе сразу, в перемычку между большим и указательным пальцем правой руки. Вслед за тем их предконечные части направляются у одной ко второму пальцу (что напоминает нормальное держание пера или карандаша), у другой – к третьему. Концы палочек выравниваются и надавливаются движением натренированных мускулов до такого положения, при котором они не расходятся ножницами врозь. Затем палочки размыкаются, останавливаются на выбранном куске, сдавливаются мускулами и несут пищу в рот. При поедании риса палочки служат для подталкивания небольшой груды зерен каши прямо в отверстие рта. Для супа предназначаются особые ложки (фарфоровые, металлические, деревянные), для фруктов – двузубые вилки, для жирных сладостей... длинные зубочистки.

упрашивать, потчевать его. Студент и их осушил до конца. Затем, перевернув чарку, заявил, что он пьян.

Бай взглянула на Лян.

– У нас с тобой, знаешь, лица неважные, – сказала она, – нам с тобой не уговорить его выпить еще. Ты пойдика при- тащи сюда девчонку Чэнь; скажи, что ее милый Пань давно уже поджидает свою Мяо-чан!¹⁰³

Лян удалилась, но вскоре вернулась и сообщила определенно, что Юнь-ци не придет. Студент собрался уходить, но была уже глубокая ночь. Он притворился пьяным и лег навзничь.

Прошло несколько дней. Он все не решался опять пойти в монастырь. А в сердце все время думал о Юнь-ци, не мог забыть. И лишь время от времени подходил поближе к монастырю, высматривал ее, поджидал.

Однажды дело было уже к вечеру. Бай вышла из дверей с каким-то юношей и удалилась. Студент был восхищен: Лян-то он не очень боялся. Ринулся к дверям и давай стучать.

К дверям вышла Юнь-мянь. Он спросил ее, кто дома, и узнал, что Лян тоже куда-то ушла. Тогда он осведомился и о Юнь-ци. Шэн провела его и, войдя с ним в какой-то двор, крикнула:

– Юнь-ци! Гость пришел!

Студент только и видел, как дверь в комнату закрылась с

---

¹⁰³ ...поджидает свою Мяо-чан! – То есть Чэнь Мяо-чан, героиню сказания, приведенного выше.

шумом.

– Заперла дверь, – сказала с улыбкой Шэн.

Студент стал у окна и сделал вид, будто собрался говорить. Тогда Шэн вышла. Юнь-ци говорила ему через окно:

– Меня, знаете, сударь, здесь держат как приманку, а вас здесь удят... Если будете ходить сюда часто, то жизни вашей конец. Я, правда, не смогу всю жизнь до могилы хранить чистый устав монахинь, но не решусь также воспользоваться этим обстоятельством, чтобы нарушить свой стыд и честь. Я только хотела бы найти такого, как милый Пань, и служить ему!

Тогда студент дал ей обещание быть с ней до белой головы.

– У меня, – сказала Юнь-ци, – есть наставница, вырастившая и выпестовавшая меня. А это ведь нелегко ей далось! Если вы действительно меня полюбили, принесите ей двадцать *ланов* серебром и выкупите таким образом меня. Я буду ждать вас три года. Если же вы рассчитываете здесь на свидание, как говорится, в тутовых кустах¹⁰⁴, то на это я пойти не могу!

---

¹⁰⁴ ...как говорится, в тутовых кустах... – В классической книге древних од («Шицзин», I, IV, 4) читаем стихи: «Ах, я рву [траву] *тан* / В полях Мэй. / Да о ком же думаю? / О красивой старшей Цзян! / Она сказала мне быть в тутях, / Она требует меня в Шангуне, / Она проводит меня на реку Ци!» Отсюда литературный намек на полное подробностей любовное свидание, делаемый при помощи пятого стиха. «В тутях» может быть просто именем древнего уголья, и тогда его надо называть Санчжун.

Студент обещал, но только лишь собрался он высказаться перед ней сам, как снова появилась Шэн, и он вышел вслед за ней. Потом отклонялся ей и вернулся к себе.

На душе у него было тяжело, брало уныние. Стал думать, как бы так изловчиться, чтобы во что бы то ни стало и через каких-нибудь третьих лиц пробраться к ней и хоть разок еще подойти поближе к ее милому существу; но как раз в это время прибыл из дому слуга, сообщивший ему, что отец захворал; ему пришлось ехать днем и ночью, чтобы только вернуться вовремя.

Вскоре кандидат, его отец, умер. У матери завелись в доме строжайшие порядки, и студент не решался довести до ее сведения о своих сердечных делах. Все, что он мог сделать, это сурово урезывать свои расходы и день за днем копить.

Стали появляться предложения брака, но он отказывался, ссылаясь на свой траур по родителю. Мать не желала его слушать, но студент сказал ей кротко и ласково так:

– В прошлый раз, мама, когда я был в Хуангане, моя вторая бабушка пожелала женить меня на некоей Чэнь, и я, сказать правду, очень бы этого хотел. Но вот теперь случилось наше большое несчастье, вести оттуда застряли... Я давно уже не ездил в Хуанган проведать ее. Вот если б мне туда скоренько слетать!.. Если ничего из этого не вышло, дело не слажено, то я послушаюсь, чего ты, мать, от меня хочешь!

Мать согласилась, и вот, забрав все свои сбережения, наш студент направился в Хуан.

Прибыв туда, он явился в храм и вдруг нашел, что помещения пустыют, холодные, заброшенные, – совершенно иная картина против прежней! Вошел несколько глубже в храм. Там увидел лишь какую-то старуху-монахиню буддийской веры, которая сидела в кухне и стряпала. Студент подошел к ней и стал задавать ей вопросы.

– В третьем году, видите ли, старая даоска умерла, а все «Четыре тучи» рассыпались, словно звезды по небу!

– Куда же они девались? – спрашивал студент.

– А вот, Юнь-шэнь и Юнь-дун бежали с развратными молодцами. Намедни я как будто слышала, что Юнь-ци временно поселилась где-то к северу от нашего уезда. Известий же, касающихся Юнь-мянь, я не знаю.

Слыша такие слова, студент затужил, велел запрягать и сейчас же поехал к северу от города. Тут он стал наводить справки в каждом попадавшемся ему на пути даосском храме, но следов было мало.

В тягостном унынии вернулся он домой.

– Вот что, мама, – солгал он матери, – дядя сказал мне так, что старик Чэнь, видишь ли, поехал в Юэчжоу. Когда же он вернется, то дядя пришлет к нам гонца!

Через полгода вдова поехала навестить свою мать и спросила ее, между прочим, об этом деле. Та, в совершенной растерянности, ничего не понимала. Вдова рассердилась было на сына за обман, но старуха выразила предположение, что внук столкнулся с дедом один на один, а ей они ничего не

сообщили. К счастью, дед уехал куда-то далеко, и раскрыть эту чепуху не было возможности.

Вдова, по данному ею храмовому обету¹⁰⁵, собралась на Лотосовый утес¹⁰⁶ и постилась сначала у подошвы горы. Как-то раз, когда она лежала в постели, хозяин гостиницы постучал ей в двери и проводил к ней какую-то девушку-даоску, чтобы та побыла с ней вместе ночью. Девушка назвалась Чэнь Юнь-ци.

Узнав, что госпожа живет в Илине, она пересела к ней на постель и стала изливать ей жалобы на свою жизнь. Говорила она, вызывая своими словами в слушающей глубокое сострадание.

После всего прочего она сказала вдове наконец, что у нее есть двоюродный брат, студент Пань, родом оттуда же, откуда и вдова.

– Прошу вас, – взмолилась она при этом, – дайте себе труд приказать кому-нибудь из ваших детей или племянников передать ему одно мое словцо: пусть только скажут от меня, что такая-то живет в монастыре Гнездящегося Журавля¹⁰⁷,

---

¹⁰⁵ по данному ею храмовому обету... – Обету поставить свечи (курильные палочки) перед изображением божества в знаменитом храме, путь к которому далек и труден.

¹⁰⁶ Лотосовый утес – место, где был знаменитый по чудотворности местных икон храм.

¹⁰⁷ ...в монастыре Гнездящегося Журавля... – Журавль, вернее, «святой [бессмертный] журавль», в даосском предании играет роль ангела, возносящего на себе в эмпиреи вечного небесного блаженства окончившего свою земную юдоль

в келье старшей наставницы Ван Дао-чэн. Скажите, что я с утра до вечера горюю и страдаю. День проживу, что год прошел. Пусть он поскорее придет навестить меня. Я, передайте ему, боюсь, что не знаю, как будет после нынешних дней.

Вдова спросила, как в точности имя и прозвание¹⁰⁸ студента Паня, но дева их не знала, а сказала только:

– Ну да раз он в училище, то *сюцаи*, думаю, о нем слышали!

Еще не рассвело, как она уже спозаранку простилась с госпожой и на прощанье еще раз настойчиво и убедительно напомнила ей свою просьбу.

Когда госпожа вернулась домой, то стала рассказывать сыну и, между прочим, дошла до этого разговора. Студент встал на колени перед ней и так стоял все время.

– Мама, – говорил он, – скажу тебе всю правду: этот так называемый студент Пань – я, твой сын, и никто иной!

даосского подвижника. Отсюда частое название храмов со словом хэ – «журавль».

¹⁰⁸ ...как в точности имя и прозвание... – Фамилий в Китае очень ограниченное количество, и потому имя вместе с прозвищем играют существенную роль, тем более что вопреки часто повторяющимся фамильным словам слова, их изображающие, берутся из общего литературного обихода и в самых прихотливых комбинациях (почти фразах), что сообщает китайскому имени совершенно иной вид, чем в Европе, дающей людям стереотипные имена святых и, во всяком случае, без намека на смысл, заведомо непереводаемые и шаблонные. Кроме того, китайское собственное имя, а тем более прозвание имеет еще, так сказать, свой особый контекст в ряду бесконечной цепи имен прямой родни. Братьев, дядей и т. д. легко узнать по встречающемуся в их именах одному и тому же иероглифу. Узнать же человека по одной фамилии Пань в Китае так же легко, как у нас – по фамилии Иванов, без дальнейших обозначений.

Госпожа расспросила, что и как, и, узнав от него про все эти обстоятельства, сильно рассердилась.

– Негодный мальчишка, – волновалась она, – ты развратничаешь направо и налево по храмам и монастырям... Смотри-ка, даоску берет себе в жены! С каким же ты лицом покажешься и ее покажешь на свадьбе родным и гостям?

Студент поник головой, не смея более проронить ни одного слова.

Затем студент поехал на экзамен в уезд и тайком там нанял лодку, чтобы разыскать Ван Дао-чэн. Когда же он прибыл на место, то оказалось, что Юнь-ци полмесяца тому назад уже куда-то ушла странствовать и с тех пор не возвращалась.

Студент вернулся домой, приуныл и заболел. Как раз в это время скончалась старуха Цзан. Вдова Чжэнь поспешила на похороны матери, но по пути с похорон сбилась с дороги и попала к некоей Цзин, которая оказалась ее двоюродной сестрой.

Тотчас она была приглашена в дом, где увидела какую-то молодую девушку, лет восемнадцати-девятнадцати, красоты совершенно очаровательной, невиданной.

Вдова, все время думавшая о том, как бы найти сыну прекрасную жену, чтобы он только не дулся на нее, была в душе поражена впечатлением от этой девушки и стала расспрашивать свою сестру о ней и ее жизни поподробнее.

– Это некая Ван, – отвечала та. – Она Цзинам племянни-

ца. И опора и прибежище¹⁰⁹ у нее потеряны, и она временно живет здесь.

– А кто ж ее жених? – любопытствовала вдова.

– Нет жениха!

Вдова взяла девушку за руку, заговорила с ней. От нее веяло грацией и ласковостью. Вдове она сильно полюбилась, и ради нее она осталась переночевать.

Затем она потихонечку сообщила о своих намерениях сестре.

– Великолепно, – отвечала та. – Только эта особа высоко себя ценит. Иначе зачем бы ей до сих пор так шататься без цели? Разреши – я с ней поговорю!

Вдова пригласила девушку лечь с ней на одну постель, стала с ней болтать и шутить с огромным для себя удовольствием. Девушка сама пожелала считать вдову своей матерью, и та ликовала. Пригласила ее вернуться вместе с ней в Цзинчжоу. Девушка этому предложению была особенно рада, и на следующий же день они обе в одной лодке вернулись домой.

Когда они добрались до дому, то оказалось, что студент все еще болен: так и не вставал. Мать, желая чем-либо порадовать больного, послала служанку шепнуть ему:

– Барыня для вас, барич, привезла красавицу!

Студент не поверил. Припал к окну, взглянул: еще прелестнее, чем Юнь-ци!

---

¹⁰⁹ *И опора и прибежище...* – то есть отец и мать. литературное каноническое выражение, продиктованное гипертрофией родительского пиетета.

И подумал он про себя, что вот уже прошел их трехгодичный срок свидания, а она как ушла куда-то странствовать, так и не возвращалась. Можно предположить, что ее яшмовое лицо¹¹⁰, наверное, уже нашло себе владельца, так что, получив эту красотку, можно очень хорошо утешиться.

Подумал, просиял, заулыбался и изменил выражение лица. Болезнь мигом прошла.

Тогда мать пригласила обоих молодых людей чинно представиться друг другу. Когда студент вышел, вдова спросила девушку:

– Ну что, ты поняла теперь, зачем я тебя взяла с собой сюда?

Девушка улыбнулась:

– Да уж поняла. Но зато вы, мама, не знаете, что я думала,

---

¹¹⁰ ...яшмовое лицо... – Яшма, ценящаяся в Китае выше всех других драгоценных камней, является предметом обожания и мистической поэтизации. Она чиста, струиста, тепла, влажна и мягка и тверда. Она не грязнится, не зависит от окружающей ее температуры и, следовательно, есть лучший образ благородного человека, не зависящего от условий жизни. Она влажна, но не потеет, она в углях, но не убьет. «Вечерняя мгла струит яшмы», – мечтает поэт. В его руке яшмы – стихи. Яшмы смыкаются – и по их поверхности из человеческой души в бесконечность движется сплошной ток благодати. Яшмы в порошке – разбросавшиеся по бумаге перлы каллиграфа. // Яшма – это красивая девушка, это человеческая доблесть; яшма – это милый, прекрасный человек, мощный духом муж доблести. Все лучшее – это яшма. Приходит «яшмовая весна» из «яшмовой столицы» (небесных эмпирей). Человек перед лицом природы чист, как яшмовый сосуд: сквозит и струится, как яшма, его чистое сердце. Наконец, в яшмовом сосуде подан «яшмовый друг» (вино) для моего «яшмового человека» (душевно чистого и любимого друга).

когда собралась сюда с вами ехать. Я в молодости была про-сватана за некоего Паня из Илина. Но от него давно уже нет никаких вестей. Должно быть, уже нашел себе достойную пару. Если так, то я буду вам, мама, невесткой. Если этого еще не случилось, буду веки вечные вам как дочь и скоро-скоро отблагодарю вас за всю вашу ко мне доброту!

– Ну, если у тебя уже дано обещание, принуждать не будем. Только вот что. Несколько времени тому назад мне случилось быть на горе Пяти Патриархов¹¹¹. И вот, знаешь, ко мне является некая даоска-монашенка и спрашивает меня о Пане. Теперь – опять этот Пань! А я наверное знаю, что среди наших илинских более или менее видных людей нет такой фамилии!

– Как, – воскликнула в изумлении девушка, – это были вы, мама, та женщина, которая спала там у Лотосовой горы? Ведь та, кто спрашивала вас про Паня, – я самая и есть!

Тут только мать все поняла – поняла и улыбнулась.

– Ну если так, – сказала она, – то студент Пань, скажу тебе определенно, – здесь!

– А где? – любопытствовала девушка.

Вдова велела служанке привести сына и спросила его. Тот был поражен.

– Как! Ты и есть Юнь-ци? – воскликнул он.

---

¹¹¹ ...на горе Пяти Патриархов. – То есть патриархов буддийской церкви в Китае, из которых самым популярным является первый – Бодхидхарма, или Дамо, прибывший в Китай в 520 г.

– А ты почему знаешь?

Студент рассказал все, что было, и она наконец узнала, что история с Панем была только шуткой.

Узнав, что Пань и есть студент, она застыдилась, что с ним все время говорит, и побежала сообщить обо всем этом вдове. Та спросила ее, откуда вдруг у нее появилась новая фамилия Ван?

– Да это моя настоящая фамилия и есть, но даоска, меня наставлявшая, полюбив меня, удочерила, и я шла под ее фамилией.

Вдове все это понравилось. Она выбрала счастливый день и устроила им брачную церемонию.

Возвратясь к предыдущему, видим, что дело было вот как.

Юнь-ци вместе с Юнь-мянь жили возле наставницы своей Ван Дао-чэн, но когда той пришлось круто, то Юнь-мянь ушла от нее в Ханькоу. Юнь-ци была балованна, наивна, работать не умела, да и к тому же стыдилась вообще выходить по даосским делам¹¹². Даочэн это очень не одобряла.

Случилось затем так, что ее дядя Цзин приехал в Хуанган, где встретился с ней. Она лила слезы. Тогда дядя увез ее с собой и заставил ее снять свой даосский наряд.

После этого он хотел сватать ее за видных людей и упорно скрывал поэтому, что она когда-то была монахиней. Тем

---

¹¹² ...выходить по даосским делам. – То есть по отправлениям даосских служб, особенно панихид у гроба умершего.

не менее всем, кто, как говорится, справлялся о ее имени¹¹³, она выражала несогласие. Дядя и его жена не понимали, чего она хочет, и стали относиться к ней весьма недружелюбно, так что когда в тот самый день вдова взяла ее с собой и они могли вручить ей девушку, то почувствовали, словно свалили с себя тяжкое бремя.

По соединении в чаше¹¹⁴ каждый из новобрачных все время рассказывал, что с ним приключилось. Их то охватывал восторг, то брали слезы.

Молодая оказалась весьма почтительной к старшим и усердно внимательной, так что вдова очень ее полюбила. Однако она только и знала, что играла на лютне и особенно охотно в шахматы; знать не знала, как вести хозяйство и домашние дела. Вдову это сильно огорчало.

Через месяц с небольшим вдова отправила обоих молодых к Цзинам. Они там погостили несколько дней и поехали обратно. Когда они плыли в лодке по Цзяну¹¹⁵, вдруг мимо них прошла какая-то другая лодка, в которой сидела даосская монахиня. Подплыли – оказывается: Юнь-мянь!

Юнь-мянь единственная из всех была дружна с Юнь-ци, и молодая, обрадовавшись ей, пригласила ее к ним в лодку.

---

¹¹³ ...справлялся о ее имени... – Обряд древности, предшествующий заключению брака. Здесь – фигурное выражение для понятия «свататься».

¹¹⁴ По соединении в чаше... – Самый торжественный обряд свадьбы: соединение губ молодых в одной чаше вина.

¹¹⁵ Цзян – «река», но по преимуществу, конечно, Янцзы, точно так же, как Хэ – «река», но по преимуществу Хуанхэ.

Обе делились друг с другом всем «кислым и горьким»¹¹⁶.

– Куда же ты теперь едешь? – спрашивала молодая.

– Я, видишь ли, – отвечала та, – давно о тебе тосковала.

Наконец отправилась в дальний путь, пришла в монастырь Гнездящегося Журавля – и вдруг узнала там, что ты пошла к Цзинам. Вот я и решила проведать тебя в Хуангане. А того и не знала, что тебе уже удалось соединиться со своим возлюбленным! Смотрю теперь на тебя: ты словно фея... А я, значит, осталась без тебя бесприютной странницей: то поплыву, то причалю... И не знаю теперь, когда все это кончится!

Сказала и горько вздохнула.

Молодая придумала следующее. Она велела ей переодеться в другое платье, сняв монашеское, и идти под видом ее сестры. А она возьмет ее пока в компаньонки ко вдове, а там понемножку да помаленьку можно будет и ей подобрать приличную пару. Шэн согласилась.

Приехали домой. Молодая сначала доложила старухе, и затем только Шэн вошла в дом. Манеры у нее были как у девушки из хорошего дома, а в разговоре и шутке она проявляла великолепное понимание светских вещей. Старухе как вдове было очень скучно, одиночество ее удручало, так что, обретя себе Шэн, она была в высшей степени довольна и боялась лишь одного: как бы та от нее не ушла.

---

¹¹⁶ ... делились друг с другом всем «кислым и горьким». – То есть всем неприятным, случившимся после разлуки, окрасившей им жизнь уныло. Фигурное выражение, очень часто применяемое Пу Сун-лином к разговору встретившихся после долгой разлуки людей.

Шэн вставала спозаранку и принималась хлопотать вместо старухи, не считая уже себя гостьей. Старуха все больше и больше приходила от нее в восторг и про себя уже подумывала, не взять ли ее в дом как сестру молодой, чтобы покрыть этим ее прежнее монашество. Так она думала втихомолку, но не решалась об этом заговорить.

Однажды старуха забыла что-то сделать и побежала спросить у Шэн, а у той, оказывается, это давно уже для нее было готово. Воспользовавшись тогда представившимся случаем, она сказала ей:

– Наша сударушка с картинки не умеет вести хозяйство. Что с ней делать? Вот ежели бы молодая была вроде тебя, мне нечего было бы и тужить!

Старуха не знала, что у молодой это давно уже было на уме, она только боялась, как бы мать не рассердилась. Теперь же, услыша от той подобные речи, она засмеялась и сказала:

– Раз матушка меня любит, то молодая жена может ведь изобразить Ин с Хуан¹¹⁷... Как вам кажется?

Мать не отвечала, а тоже раскатисто смеялась вовсю. Молодая пришла к мужу и сказала ему, что старуха уже закивала головой. Тогда очистили и прибрали отдельное помещение, и молодая говорила Шэн:

– Послушай-ка, помнишь, когда мы еще с тобой в мона-

---

¹¹⁷ ...изобразить Ин с Хуан... – Древний государь Яо (XXIII в. до н. э.) отдал своему достойному преемнику Шуню обеих своих дочерей в жены. Одну звали Э Хуан, а другую – Нюй Ин.

стыре спали на одной подушке, ты, сестрица, говорила мне, что только бы нам с тобой найти человека, который понимал бы, что значит любовь и ласка, – что мы бы обе стали служить такому человеку? Помнишь или нет?

У Шэн невольно замигали глаза.

– Что ты, что ты, – пролепетала она, – да ведь когда я говорила про любовь и сближение, я ни о чем таком и не помышляла... Просто вот думала: целый день трудиться и хлопотать, а никто, никто и не будет знать, сладко ли, горько ли тебе... А вот за эти дни матушка наша соблаговолила приласкать меня за мою работишку. И душе моей стало вдруг отчетливо ясно, где холодно, а где тепло. Так что, если ты не издашь, как говорится, «указа прогнать пришельца»¹¹⁸ и велишь мне быть постоянной компаньонкой матушке, то все мои пожелания этим будут удовлетворены. Я и не буду даже мечтать об исполнении того, о чем мы тогда говорили!

Молодая передала это матери. Та велела обеим им зажечь свечи и произнести обеты сестер, поклявшись, что они никогда не будут в этом каяться.

Вслед за этим она велела сыну исполнить с Шэн обряд, полагающийся мужу с женой.

Когда они пошли спать, Шэн заявила ему:

– Вот что, знаешь, я ведь двадцатитрехлетняя старая те-

---

¹¹⁸ ...«указа прогнать пришельца»... – Литературный намек на указ первообъединителя Китая могущественного государя Цинь Шихуан-ди, изгонявший из государства пришлых ученых советников из конфуцианцев, мешавших проведению энергичных мер поголовного насилия над населением.

ремница!¹¹⁹

Студенту не верилось. Но вдруг... пало красное и заполнило весь матрац. Студент диву дался...

– Почему, ты думаешь, я так рада найти себе милого? – шептала она. – Совсем не потому, что я не могла добровольно оставаться одинокой затворницей. Скажу тебе по правде: мне невыносимо было краснеть, угощая гостей, словно в каком-то, как говорится, «кривом палисаднике»¹²⁰, и в то же время иметь тело теремной девушки. Вот этим разочком я воспользуюсь, чтобы приписаться к вашей семье и чтобы за тебя служить твоей старухе-матушке. Буду здесь экономкой, заведующей домоправлением. А что до супружеского удовольствия в спальне, то ты уж, пожалуйста, ищи его у другой!

Через три дня она свою постель перенесла к матери. Та гнала ее прочь, но она не уходила. Тогда молодая, спозаранку забравшись к матери, заняла ее место на постели и улеглась спать. Делать было нечего, и новой пришлось идти к студенту.

С этих пор они через два-три дня стали чередоваться. Привыкли и стали считать, что это в порядке вещей.

Вдова в свое время любила играть в шахматы, но с тех пор, как она овдовела, ей было некогда этим заниматься. Те-

---

¹¹⁹ ...*двадцатитрехлетняя старая теремница*... – то есть девственница, воспитанная и береженная от соблазна в тереме.

¹²⁰ ...*в каком-то, как говорится, «кривом палисаднике»*... – Фигурное выражение, заимствованное из древней поэзии и обозначающее публичный дом.

перь же, когда у нее была Шэн, все дела по дому пришли в образцовое состояние и ей целый день нечего было делать. И вот в часы безделья она садилась с молодой за шахматы. Зажигали свет, варили чай... Старуха слушала, как обе женщины играли на лютне, и только за полночь расходились.

– Даже когда был жив отец моего сына, – говорила старуха знакомым, – и то я такой радости иметь не могла!

Шэн заведовала всем, что уходило и приходило, записывала и давала старухе отчет. Та ничего не понимала:

– Вы вот обе говорите мне, что в детстве вы были сиротами и знали только грамоту, лютню да шахматы. Кто же тебя всему этому-то выучил?

Шэн смеялась и рассказывала все по правде. Смеялась и старуха.

– Вот ведь и я тоже, – говорила она, – никогда не хотела женить сына на даоске, а теперь – на-ка! – получила сразу двух!

И тут она вдруг вспомнила, что было нагадано ее сыну – тогда еще отроку. Вспомнила – и поверила, что нельзя убежать от того, что предопределено судьбой.

Студент дважды был на экзаменах, но все не выдерживал.

– Хотя наш дом и не из богатых, – сказала наконец старуха, – но все же кое-какой землицы наберется с триста *му*. Да тут еще нам повезло с Юнь-мянь, так ловко со всем управляющейся. Нам что дальше, то все теплее и сытнее становится. Ты, сынок, будь только у моих колен да забирай своих обеих

жен и вкушай удовольствие вместе со мной. Я не хочу, чтобы ты искал себе богатства и знатности¹²¹.

Студент повиновался.

Впоследствии Юнь-мянь родила мальчика и девочку, а Юнь-ци – девочку и трех мальчиков. Мать умерла, когда ей было уже за восемьдесят.

Ее внуки, все как один, вошли во дворец полукруглого бассейна, а старший, рожденный от Юнь-мянь, даже прошел на областных отборах¹²².

---

¹²¹ ...искал себе богатства и знатности. – Богатство и знатность (*фугуй*) как откровенно-циничное определение всевластного китайского чиновника-народоправителя совершенно вытеснило образ честного человека, какой, конечно, всегда встречался наряду с жадными корыстолюбцами, наживающимися на народе, и в таком случае величался классическим, подобающим ему титулом «отца и матери народа».

¹²² ...прошел на областных отборах. – То есть на отборах государственных людей.

Седьмая Сяо и ее сестра

Сюй Цзи-чжан из Линьцзы жил в деревне Мельнице, что к востоку от города. Занимался он ученым делом, но пока безрезультатно¹²³; ушел с родных мест и стал служителем при канцелярии.

Как-то раз пошел он к родным жены. Возвращался домой в пьяном виде. Дело было уже к вечеру. Дорога выходила к могильным склепам дома Юев. Когда он проходил этими местами, то большие здания так и замелькали перед ним своею красотою. У одних ворот сидел какой-то старик. У Сюя появилась винная жажда, ему пришло на ум напиться, и вот он, сделав перед стариком приветствие, попросил у него дать ему чего-нибудь такого. Старик встал и пригласил гостя войти в дом. Поднялись в гостиную, где старик дал ему пить. Когда он кончил пить, старик сказал:

– Такой, знаете, темный сейчас вечер, идти будет трудно... Оставайтесь пока здесь, переночуйте, а утром раненько и в дорогу. Как вам кажется, а?..

Сюй, со своей стороны, тоже чувствовал себя от усталости прямо умирающим и на это предложение с радостью согласился. Старик велел слугам приготовить вина и подать гостю, сказав ему при этом следующее:

---

¹²³ ...но пока безрезультатно... – то есть учился, учился, а экзаменов не выдержал или же вовсе их не держал.

– У меня, старика, к вам есть словечко – не презирайте только его, как какую-нибудь большую волну¹²⁴. Ваш безупречный дом имеет прекрасную славу, и с вами стоит породниться брачным путем. У меня есть молодая дочь, которая еще не просватана. Хочу дать ее в жены низшего ранга. Осчастливьте, соблаговолите протянуть руку и ее подобрать!

Сюй в вежливом беспокойстве не знал, что ответить. Старик тут же послал слугу объявить всем родным и родственникам и, кроме того, передал, чтобы девушка принарядилась. В один миг один за другим появились четыре или пять человек в высоких, горой стоящих шапках и широких поясах¹²⁵. Девушка тоже вышла в сияющем наряде. Красота ее лица совершенно выделялась среди обыкновенных лиц. Сели все вперемишку и стали пировать.

У Сюя и дух и душа, помутнев, пришли в хаотическое волнение, и он хотел только поскорее лечь спать. Вино обошло их по нескольку раз, но он упорно отказывался, сказав, что не может с собой справиться. Тогда старик послал маленькую служанку проводить мужа с женой за полог и запереть

---

¹²⁴ ...как какую-нибудь большую волну. – То есть громкое, но не существенно важное.

¹²⁵ ...горой стоящих шапках и широких поясах. – То есть в важных придворно-чиновничьих нарядах, как и полагается родственникам столь знатного дома, пришедшим по приглашению на серьезное семейное торжество. Вообще, шапка и пояс считались в Китае описываемой эпохи (XVII в.) эмблемами чиновничьей карьеры. Известное благожелание гласит: «Да передадутся из поколения твоего в поколение шапка и пояс!»

их вместе – пусть там и сидят.

Сюй спросил ее о родне и фамилии. Она назвала свою фамилию – Сяо и сказала, что в семье она седьмая по счету¹²⁶. Он стал далее подробно разузнавать о положении и состоянии ее родных, на что она отвечала:

– Хотя я сама и ничтожна по происхождению, несколько не знатна, однако как пара жениху-канцеляристу я, наверное, не засрамлю его. К чему так усердствовать с допросами?

Сюй, утопая в ее прелестях, прильнул к ней в самой полной и совершенной любовной близости, больше никаких особых подозрений не высказывал.

– В этих местах, знаешь, нельзя обзаводиться домом, – сказала молодая женщина. – Я хорошо знаю, та, что будет моей старшей сестрой в твоём доме, обладает в высшей степени ровным и добрым характером. Может быть, она не будет нам мешать? Ты иди домой, приготовь какое-нибудь помещение, а я приду уж сама!

Сюй обещал. Вслед за этим он положил свою руку ей на тело и, теряя сознание, начал засыпать. Когда же он проснулся, то в его объятиях было уже пусто. Цвет неба уже сильно просветлел, но тень сосен заслоняла утро. Под ним был подложен пласт просяной соломы толщиной больше фута. Сюй ахнул от изумления и пошел домой.

---

¹²⁶ ...она седьмая по счету. – Ее, значит, звали Сяо Ци, Сяо Седьмая. Как это ни дико звучит для русского уха, однако для китайца, редко признававшего право женщин на такие же прихотливые и разнообразные собственные имена, как у мужчин, это явление самое обычное.

Рассказал жене. Та в шутку вычистила и прибрала помещение, поставила туда кровать, закрыла двери и вышла.

– Новая женушка, значит, сегодня прибывает, – сказала она.

И оба принялись хохотать.

Солнце уже закатилось, когда жена шутливо потащила Сюю открывать дверь.

– Смотри, – говорила она, – новая, поди, уж не сидит ли в спальне?

Вошли, а перед ними на кровати сидит красавица в роскошнейшем наряде. Увидя вошедшую пару, она поднялась им навстречу. Муж и жена остолбенели, а она, закрывая рот рукой, совершенно беззвучно смеялась. Затем она поклонилась им обоим, выразив им почтение и серьезность своих чувств. Жена Сюя занялась приготовлением обеда, представив им обоим радоваться своему слиянию.

Женщина вставала спозаранку и принималась за работу, не ожидая понуканий и назначений.

– Мои сестры, – сказала она однажды Сюю, – хотят к нам прийти взглянуть на нас.

Сюй выразил опасение, что второпях ему нечем будет принять гостей.

– Ну, все они знают, – возразила молодая, – что у нас в доме небогато, и заранее пришлют все съестное. Надо только попросить сестрицу нашего дома взять на себя труд сварить и состряпать это!

Сюй сказал жене. Та изъявила свое согласие. И действительно, после утренней стряпни пришли люди с вином и разной снедью, сложили все это с коромысел¹²⁷ и ушли. Жена принялась за исполнение обязанностей повара. После полудня пришли в дом шесть-семь женщин, из которых самой старшей было не более как около сорока. Они уселись в кружок и стали вместе пить, наполнив всю комнату раскатистым смехом.

Жена Сюя, притаившись под окном, разглядывала их, но видела только мужа и Седьмую, которые сидели друг против друга и пили. Остальные же гости были в углу комнаты, невидимы. Северный Ковш¹²⁸ уже повис в углу комнаты, когда они наконец с криком и шумом ушли.

Молодая пошла провожать гостей и еще не возвращалась. Жена вошла в комнату и увидела, что на столе стоят чашки и подносы, совершенно пустые.

– Эти холопки, кажется, все были голодны. Ишь ведь их вылизали как: словно собака гладкий камень!

Вскоре молодая вернулась и стала ласково-искренне благодарить ее за труды; вырвала у нее из рук посуду и стала мыть сама, торопя законную жену идти и мирно себе ложиться спать.

---

¹²⁷ ...сложили все это с коромысел... – Китайское коромысло, сделанное из длинной бамбуковины, качаясь и склоняясь по концам, может поднимать гораздо больше, нежели русское, неэластичное.

¹²⁸ Северный Ковш – Большая Медведица, называемая так по своей форме, напоминающей меру сыпучих тел.

– Гости приходят к нам в дом, – говорила ей жена, – а мы допускаем, чтобы они сами припасли, что пить и есть... Не смех ли это? На днях их нужно будет еще раз пригласить к нам!

По прошествии нескольких дней Сюй исполнил слова жены и велел молодой снова позвать гостей. Те явились и принялись есть и пить вовсю. Однако оставили четыре подноса, не прикоснувшись к ним ни ложкой, ни палочками. Сюй поинтересовался, что это значит. Девы засмеялись:

– Ваша супруга думает, что мы злые. Вот мы и оставляем нарочно для нашей стряпухи.

За столом была одна девушка лет восемнадцати-девятнадцати в башмаках из некрашеного холста и в белом грубом платье.

– Это молодая вдова, – сказали Сюю.

Ее звали Шестой. В ее живости и манерах была очаровательная красота. Она любила смеяться и умела говорить. Знакомясь с Сюем все ближе и ближе, она стала над ним смеяться и острить. Установили чарочное правительство¹²⁹, в котором Сюй занял должность секретаря¹³⁰ и запретил на-

---

¹²⁹ Установили чарочное правительство... – Во время попойки друзья устанавливают особое, так сказать винное начальство. Для этого выбирают начальника, которого все выпивающие слушаются. Если же кто ослушается, то платится штрафом, выпивая по приговору начальства лишнее. А так как пьяному показаться на улице в Китае стыдно, то подобный штраф близок к действительному наказанию.

¹³⁰ ...Сюй занял должность секретаря... – Шутливое название должности в

смеяться и балагурить. Шестая сестра сплошь да рядом попадалась в нарушении этого приказа, и ей пришлось тянуть к себе одну за другой чарок десять, если не больше. Она быстро захмелела и наконец была пьяна. Ее пахучее прекрасное тело было теперь в нежной лени, слабое и безвольное, еле еле держащееся... Вскоре она ушла. Сюй зажег свечу и пошел ее искать. Оказалось, что она сладко спит в темном алькове. Сюй приблизился к ней и слился с ее губами. Она даже и не почувствовала. Сердечное полотнище уже заволновалось¹³¹, как вдруг из-за стола слышались с разных мест крики, зовущие Сюя. Он быстро оправил ей платье. Глядь – в рукаве у нее шелковый платочек. Украл его и убежал.

Подошла полночь, и гости вышли из-за стола, а Шестая все еще не просыпалась. В пологи вошла Седьмая, стала ее расталкивать – и наконец она, зевая и потягиваясь, встала, завязала юбку, оправила волосы и ушла вслед за другими.

Сюй неотступно, неотвязно думал о ней и тосковал, не выпуская ее из сердца. Он уже хотел было, как только очутился в пустом месте, развернуть оставшийся у него платочек и

пьяном правительстве, состоящей в том, чтобы смотреть за порядком и оговаривать провинившихся. По этим всепьянейшим законам на подобную ответственную должность выбирается человек с особыми талантами, а именно: он должен давать умелые распоряжения, он должен понимать, что люди хотят сказать, и быть, так сказать, «большой дверью», то есть большой глоткой для бесконечного вливания туда вина.

¹³¹ *Сердечное полотнище уже заволновалось...* – В одном древнем рассказе князь говорит о себе: «Лежу – мне в кровати неудобно; ем – мне пища невкусна; сердце мечется, колеблется, словно флаг, повешенный в воздухе...»

любовно его рассмотреть, как тот исчез. Сюй стал искать. Он подумал, что, провожая гостей, уж не обронил ли платочек по дороге. Взял свечу, стал светить ею пристально на всех крыльцах и выходах; куда делся платочек – так и не нашел. Ему стало как-то не по себе.

Молодая спросила его, в чем дело. Сюй нехотя ответил.

– Нечего обманывать и врать, – сказала она с усмешкой. – Платочек-то люди уже унесли! Напрасно утруждаешь свое сердце и свои очи!

Сюй, испугавшись этих слов, рассказал ей все как было, начистоту. Упомянул также, как он все тоскует и думает.

– Она с тобой, – сказала Седьмая, – не имеет старой судьбы, и связь ваша только здесь!

– Как это так? – спросил Сюй.

– А вот так. Она, видишь ли, в предыдущей своей жизни была девой песен, а ты был ученый на службе. Ты ее увидел и влюбился. Оба родителя тебе помешали, и твоим намерениям не суждено было осуществиться. Разволновавшись чувством, ты заболел и был на краю катастрофы. Ты тогда послал ей сказать: «Я уже не встану. Мне бы только, чтоб ты пришла, чтоб дала мне разок потрогать твою кожу, – и тогда я б умер без сожаления!» Та дева согласилась сделать, как ты просил, но в то же время ей случилось быть занятой разными делами, и она не пошла к тебе сейчас же, а прибыла через вечер. Оказалось, что больной уже умер. Таким образом, в первой жизни у нее с тобой была судьба для одного

прикосновения. Все, что выходит за эти пределы, это уж вне упований.

После этого Сюй опять устроил обед и снова пригласил всех дев. Не явилась только Шестая. Сюй решил, что молодая заревновала, и предался сильной злобе и досаде. Однажды молодая сказала ему:

– Если ты понапрасну меня винишь в том, что касается Шестой, то, скажу тебе по правде, она просто не желает сюда прийти; в чем, скажи, тут моя вина? Сегодня вот уже восемь лет с тех пор, как мы слюбились, и я ухожу – буду с тобой прощаться. Позволь мне придумать все, что только в моих крайних силах, чтобы разрушить это бывшее заблуждение. Она, правда, не придет, но не может же она запретить нам туда идти самим! Вот поднимемся к ним в дом, пройдем к ней... И неизвестно, может быть, как говорится, человеческое решение победит небесное определение!

Сюй с радостью согласился. Молодая взяла его за руку, и они вспорхнули в ветре, словно шествуя по пустотам. В одно мгновение они уже были в ее доме с желтой черепицей, широкими, просторными залами, изломами и извивами ворот и дверей. Все это нимало не изменилось против того времени, когда он этот дом видел в первый раз. Тесть и теща вышли к ним оба вместе.

– Смотри, грубая девчонка! – сказали родители. – Ты давно уже получила теплоту и ласку, а мы, старики, эти остатние годы разрушаемся и слабеем... Не странно ли, что ты

нас забыла своими посещениями и проведываниями?

Сейчас же накрыли столы и устроили пир. Молодая стала расспрашивать о сестрах, старших и младших.

– Все они вернулись к своим семьям. Только одна Шестая живет здесь у нас.

Тут же крикнули служанку, веля ей просить Шестую появиться к ним. Она долгое время не выходила. Молодая прошла к ней и стала ее тащить. Наконец она появилась, но с опущенной головой, скромная, молчаливая, непохожая на прежнюю балагурку. Вскоре старик и старуха откланялись и ушли.

– Смотри, сестра, – сказала молодая, – какая ты высокомерная и самомнящая! Ты заставляешь человека меня ненавидеть!

Шестая слегка усмехнулась:

– Послушай, ветрогон, зачем ты ко мне пристаешь?

Молодая взяла у них обоих чарки с остатками вина и заставила их обменяться и пить.

– Губы ведь уже соединялись, – сказала она. – К чему делать эти манеры?

Вскоре Седьмая тоже ушла, и в комнате остались только они вдвоем. Сюй сейчас же вскочил и начал к ней приставать. Шестая ловко и грациозно отстраняла его и сопротивлялась. Сюй ухватил ее за платье, стал на колени и умолял. Вдруг послышались крики, потрясавшие всю землю, и огненные лучи стреляли в двери. Шестая сильно перепуга-

лась, толкнула Сюя, чтоб он встал, и сказала ему:

– Что мне делать? Беда меня застигла неожиданно!

Сюй засуетился, заметался, не зная, что делать. А женщина уже бесследно скрылась. Сюй, весь в горе, присел немного. Глядь – здания и комнаты разом исчезли. Прибежали охотники, человек десять, с соколами и ножами в руках.

– Кто тут ночью валяется? – кричали они в испуге.

Сюй сказал, будто он сбился с дороги, и назвал им свою фамилию и прозвание.

– Мы только что гнались тут за лисицей! Не видели ли вы ее?

– Нет, не видел, – отвечал Сюй.

Он теперь внимательно распознал эту местность: то был склеп Юев.

Уныло-уныло вернулся он домой и все еще надеялся, что Седьмая снова придет. Утром смотрел и гадал по сорочьей радости¹³², вечером искал предзнаменований по узорам свечи¹³³. Но никаких слухов о ней не было.

Это рассказывал Дун Юй-сюань.

---

¹³² ...и гадал по сорочьей радости... – Сорока (*сицяо*) предвещает радость (*си*), и поэтому ее верещание считается хорошим признаком. В частности, она предвещает возвращение в дом путника. На народных картинах также любят изображать ее как предсказывающую успех на экзаменах.

¹³³ ...по узорам свечи. – То есть по наплыву свечи, создающему фантастические «цветы» – узоры.

Царица Чжэнь

Лочэнский Лю Чжун-хань был с детских лет туп, но к книгам питал любовь эротомана. Он вечно запирался, предавался своим трудам с остервенением, совершенно не общаясь с людьми.

Однажды, когда он таким образом занимался, вдруг до него донеслись какие-то необыкновенные ароматы, которые наполнили всю его комнату. Еще минута, и послышались звуки дорогих брелоков в самом многообразном хаосе. Лю с изумлением оглянулся и увидел, что к нему входит красавица, у которой шпильки головного убора и серьги сияют и переливаются всеми цветами. За нею свита – и все как есть одеты в придворные платья с украшениями.

Лю, в испуге и удивлении, пал на землю. Красавица стала его поднимать.

– Как это так, – спросила она, – ты был такой сначала гордый, а потом вдруг стал таким раболепным?

Лю все более и более трепетал и пугался.

– О небесная фея, – бормотал он, – из каких ты мест? Я ведь не имел случая ни поклониться тебе, ни знать тебя! Когда же, скажи, до настоящего времени успел я тебя оскорбить?

– Давно ль, скажи, расстались мы, – улыбалась ему в ответ фея, – чтоб уж так помутнеть и потускнеть воспоминанию?

Разве это не ты был тот, который – помнишь, тогда? – сидя с важным и серьезным видом, точил кирпичину?

И вот разложили парчу и кожу, поставили в яшмовых сосудах напитки, и фея торопливо усадила Лю, стала с ним пить и говорить с ним о делах нынешних и древних. И то, что она говорила, было так глубоко и так метко, до того необычно, что Лю, весь растерянный, смущенный, не знал, что ему ответить.

– Я только что успела, – сказала красавица, – съездить к Яшмовому озеру¹³⁴, разок там попить. Через сколько же рождений ты успел пройти, чтобы твой острый ум мог так окончательно отупеть?

С этими словами она велела служанке густо отварить настой из хрусталя и поднести Лю. Лю принял и стал пить. И вдруг, выпив, он почувствовал, как его ум и душа раскрылись и прониклись.

Затем настал уже темный вечер. Все служанки удалились. Фея затушила свечу, разложила постель, и по всем кривым пошла до пределов их радостная любовь.

Еще не рассвело, как девушки свиты уже вновь собрались. Красавица поднялась, но ее роскошный наряд был такой же, как вчера, и прическа оставалась совершенно законченной, так что она и не приводила ее снова в порядок.

---

¹³⁴ ...*съездить к Яшмовому озеру*... – Местопребывание царицы фей Си-ванму в горах Куньлунь, на далеком, по китайским представлениям былого времени, западе. Слева от ее дворца – Яшмовое озеро, справа – Изумрудная река.

Лю, влюбленный, весь прикинув к ней, с неотступным усердием старался выпытать у нее, как ее фамилия, как имя.

– Сказать, что ж, ничего, можно, – отвечала фея. – Боюсь только, как бы не усугубить твоих недоумений. Моя фамилия Чжэнь¹³⁵. Ты же – потомок Гун-ганя, который в те времена из-за меня совершил преступление и пострадал. Этого моя душа, скажу по совести, вынести не могла, и вот наше сегодняшнее свидание вызвано, между прочим, моим жела-

---

¹³⁵ *Царица Чжэнь*. – В основе рассказа лежит следующий исторический анекдот. Лю Чжэн, по прозвищу Гун-гань, знаменитый поэт и генерал III в., отличался способностью спорить и возражать, отвечая без малейшего промежутка. Дело вышло так, что наследник престола выбрал его вместе с другими в компанию литературных талантов. И вот, сидя со своими учеными друзьями за вином и придя в особое умиление, царевич велел своей супруге, великой княгине, по девичьей фамилии Чжэнь, выйти и поклониться гостям. Большинство гостей пали наземь, и только один Лю посмотрел на нее как на обыкновенную женщину. Его схватили, хотели казнить, но заменили смерть ссылкой на принудительные работы – в качестве гранильщика камней. На двор гранильщиков зашел как-то сам император, увидел, что Лю сидит с важным видом за своей работой. «Что скажешь о камне?» – спросил государь. Лю, желая воспользоваться случаем, чтобы сказать о себе и оправдаться, стал на колени и отвечал: «Камень идет с утесов Цзинских гор. Он снаружи отливает всеми пятью цветами, а внутри таит самые знаменитые сокровища. Гранить его – ему сиянья не прибавить, резать его – ему линий вен не причтешь. Он держит в себе прямой и крепкий дух, который он воспринял от самой природы вещей. Однако его вены кривы и извилисты: они выются и кружат, и им выпрямиться не удастся!» Государь расхохотался и в тот же день простил Лю. («Прямой» *чжэн* – намек на имя Лю: Чжэн. «Вены» *ли* – то же слово, что *ли* «правда». «Извилистый» *цуй* – то же слово, что *цуй* «обида, кривда». То есть, переводя эту фразу на явную двусмыслицу, надо передать ее так: «Я, Чжэн, прям и тверд: такова моя природа. Однако моя правда вьется причудливой кривизной и все не может дожидаться своего выпрямления».)

нием отблагодарить тебя моим глупым чувством.

Лю спросил, где теперь Вэйский Вэнь¹³⁶.

– Пэй¹³⁷, – сказала она, – не более как самый обыкновенный сынок своего разбойника-отца¹³⁸. Мне приходилось по нескольку лет бывать среди веселящихся и беспечных людей, принадлежавших к богатой знати; так вот, я иногда встречалась с ним, но не останавливала на нем внимания. Его, видишь ли, в свое время из-за А-маня¹³⁹ долго держали в темном царстве¹⁴⁰. Я ничего более о нем не слыхала. Напротив того, Чэньский Сы¹⁴¹ стал теперь книжником у Владыки¹⁴². Раз как-то я его видела.

---

¹³⁶ *Вэйский Вэнь* – государь (*ди*), называемый посмертным титулом Вэнь («Просвещенный») и начавший собою династию Вэй (220–265).

¹³⁷ *Пэй* – Цао Пэй (Цао Пи) – так звали Вэнь-ди до его возвеличения.

¹³⁸ ...*сын*ок своего разбойника-отца. – Цао Цао, отец Вэнь-ди, временщик и удачный воевода, употребил все свое умение и дарование исключительно на приобретение для себя и своего рода царского престола. Китайская литература и история считают его разбойником.

¹³⁹ *А-мань* – его отец, Цао Цао, о котором только что шла речь.

¹⁴⁰ ...*в темном царстве*. – То есть в аду, где Цао Пэй держали как сына насильника и узурпатора Цао Цао.

¹⁴¹ *Чэньский Сы* – третий сын основателя династии Вэй Цао Цао по имени Цао Чжи (192–232). Его пожаловали титулом Чэньского великого князя, а после смерти присвоили титул Сы («Мыслитель»). Он является блестящим, может быть даже самым блестящим, представителем китайской музыки и литературы для III в., в каковой области он достиг изумительного совершенства.

¹⁴² ...*книжником у Владыки*. – Личным секретарем и хранителем печати у высшего божества, понимаемого, впрочем, скорее всего, схоластически как отражение земного порядка на небесах.

Вслед за этими ее словами тут же появилась колесница с драконами, которая остановилась среди двора. Царица подарила Лю коробку из яшмы, сделала прощальное приветствие и взошла на колесницу. Тучи подняли ее, заволокли туманы... Она исчезла.

С этого времени литературная мысль Лю сильно развилась. Однако, охваченный воспоминанием о красавице, он весь застыл в думе и имел вид помешанного. Прошло так несколько месяцев, и он стал все более и более близиться к смертельному истощению. Мать его не понимала, где тому причина, и только горевала.

Дома у них была старуха-прислуга. Вдруг она как-то говорит Лю:

– Барин, да нет ли уж у вас кого на мысли, и очень даже? Ее слова кое-как попадали в цель, и Лю не мог скрыть.

– Гм! Да, да! – отвечал он.

– Вы, барин, напишите-ка, как говорится, футовое письмо¹⁴³, а я сумею его передать и доставить!

Лю в радостном волнении сказал:

– У тебя есть необыкновенный дар... А я до сего времени был темен, как говорили раньше, в «приметах людей». Если же ты действительно сумеешь это сделать, я не позволю себе этого забыть.

---

¹⁴³ ...футовое письмо... – Китайцы писали сверху вниз, и письмо имело вид продолговатого узкого четырехугольника. Поэтическое выражение описывает письмо как «известие в фут длиной».

С этими словами он сложил письмо, надписал конверт, передал старухе, и та сейчас же ушла.

Вернулась она лишь к полуночи.

– Обошлось счастливо, – сказал она, – дело я не испортила. Только что это, значит, я вхожу в ворота, как привратник, думая, что я ведьма, хотел меня связать, но я достала ваше, барин, письмо, и он понес его. Через самое короткое время мне крикнули войти. Госпожа тоже, знаете, все вздыхает, а сама говорит, что не может снова с вами свидеться; впрочем, она готова была написать вам ответ, да я сказала, что барин наш так извелся и исхудал, что одним словечком его вряд ли излечишь. Госпожа слегка задумалась, потом бросила кисть и сказала мне: «Вот что – будь добра сначала передать господину Лю, что я сейчас же пришлю ему красивую жену». Перед тем как мне уйти, она еще наказала мне, что все то, о чем сейчас была речь, – думы сотен лет и что только тогда эти расчеты могут длиться вечно, если мы не посмеем легкомысленно о них болтать.

Лю был очень рад этому и стал поджидать. На следующий день действительно появилась какая-то старая нянька, а с ней за руку девушка. Обе прошли к матери Лю. Девушка была с лица такой красоты, что после нее выбрось весь мир. Старуха назвалась фамилией Чэнь, а девушка оказалась ее родной дочерью по имени Сы-сян. Чэнь выразила желание посватать дочь в жены. Матери Лю девушка понравилась, и она начала переговоры о браке. При этом старуха не требо-

вала никаких денег, а спокойно себе сидела и ждала, пока не окончатся все церемонии, а затем удалилась. Один только Лю, зная в глубине души, что тут есть что-то необыкновенное, как-то потихоньку спросил у жены, как она приходится той самой госпоже.

– Я, – ответила жена, – бывшая певица из Медного Феникса¹⁴⁴.

Лю выразил подозрение, что она бес.

– Нет, – отвечала она на это. – Я вместе с госпожой включена была уже в списки бессмертных, но, по случайному проступку, мы были свергнуты и упали среди людей. Госпожа теперь уже снова на прежнем месте, а мой срок изгнания еще не истек. Госпожа упростила небесных распорядителей дать ей временно меня в услужение, с тем чтобы в ее воле было оставить меня или отпустить. Поэтому-то мне и удалось постоянно служить у ее постели и у стола.

Однажды явилась какая-то слепая старуха, которая вела на веревке желтую собаку и просила милостыню в доме Лю,

---

¹⁴⁴ Башня *Медного Феникса* – одна из трех башен, построенных упомянутым выше не раз Цао Цао, который перед смертью своей отдал сыновьям распоряжение заточить в нее всех своих наложниц и гетер-певиц, поставив каждой по кровати в шесть футов длиной со спущенным зашитым пологом. Им должны были к обеду подавать мясо и вино. Каждое пятнадцатое число месяца они должны были перед пологом проявлять свое искусство. Это варварское завещание послужило темой для драматической и лирической поэзии Китая. // Таким образом, женщина хочет сказать, что она, в общем, принадлежит к одному и тому же гарему, что и царица Чжэнь, хотя находилась во владении не сына, а отца. Впрочем, она сейчас пояснит это в рассказе сама.

причем пела простые песни под аккомпанемент кастаньет. Жена Лю вышла поглядеть. Не успела она еще как следует стать, как собака сорвалась с веревки и стала ее кусать. В испуге молодая женщина бросилась бежать. Смотрят – ее шелковое платье все оборвано. Лю погнался за собакой с палкой и стал ее бить. Та рассвирепела еще больше и бросилась рвать висевшие куски ткани, так что платье в мгновение ока было искромсано и изжевано, словно пенька. Слепая старуха схватила собаку за шерсть на шее, привязала ее и увела.

Лю прошел к жене поглядеть, как она себя чувствует. Лицо ее от испуга еще не оправилось.

– Милая, – сказал муж, – ты ведь бессмертная фея, как же ты вдруг боишься пса?

– Ты, конечно, не знаешь, – отвечала она, – что этот пес – оборотень старого Маня¹⁴⁵. Он, видишь ли ты, злится на меня за то, что я не исполнила его приказания о так называемом разделении духов¹⁴⁶.

Лю, услыша такие слова, выразил готовность купить пса и забить его палкой.

– Нельзя, – сказала жена. – То, что послал в наказание

---

¹⁴⁵ ...оборотень старого Маня. – То есть А-маня, иначе говоря, все того же тирана Цао Цао.

¹⁴⁶ ...о так называемом разделении духов. – В числе своих предсмертных распоряжений Цао Цао отдал еще нижеследующее. Он велел все духи и вообще туалетные аксессуары разделить между его многочисленными женами. Тем же гаремным затворницам, которым нечего было делать, он велел учиться... башмачному ремеслу и кормиться на деньги, вырученные от продажи своих изделий.

Верховный Владыка, как можно самовольно избивать?

Так она прожила два года. Все, кто ее видел, изумлялись ее красоте. Однако, как ни расспрашивали о ее происхождении, оно оказывалось весьма сильно облеченным в какую-то туманную неопределенность. И все подозревали в ней нечистую силу.

Мать обратилась с расспросами к Лю. Тот рассказал кое-что о ее необыкновенных историях. Мать сильно испугалась и велела ему отпустить ее. Лю не согласился. Тогда мать потихоньку от него разыскала колдуна. Тот пришел и стал ворожить во дворе. Только что он очертил на земле квадрат для алтаря, как женщина сказала с досадой:

– Я, собственно говоря, хотела, чтоб нам быть вместе до белеющих голов. А теперь, смотри, наша мать относится ко мне с подозрением, и, конечно, нам полагается расстаться. Если хотите, чтобы я ушла, то ведь это ж нетрудно, – неужели же меня могут выгнать все эти заклинания и ворожбы?

Она тут же навязала прутьев, развела огонь и бросила под крыльцо. В один миг дым застлал весь дом, так что даже сидевшие друг против друга потеряли один другого из вида. Слышен был только грохот, раскатывающийся, словно гром.

Затем дым исчез. Смотрят, а у колдуна из всех семи отверстий тела течет кровь и он мертв. Вошли в комнату, но молодой жены уже не было. Позвали было старуху-прислугу, чтобы ее расспросить. Та тоже девалась неизвестно куда. Лю тогда объявил матери, что старуха-то была лиса.

Чудеса Второй девочки

Чжао Ван из Тэна вместе со своей женой был предан почитанию Будды¹⁴⁷. Они не ели ничего скромного, ничего кропотливого, и в селе за ними установилась репутация людей благонравных, хороших. Считалось, что у них есть кое-какие недостатки.

У них была дочь, Вторая девочка¹⁴⁸, отличавшаяся необыкновенной сообразительностью и красотой. Оба Чжао любили и берегли ее, как жемчужину. Когда ей исполнилось шесть лет, отец отправил ее к учителю заниматься вместе с ее старшим братом Чан-чунем. И вот она всего в пять лет уже твердо одолела «Пятикнижие»¹⁴⁹.

---

¹⁴⁷ ...был предан почитанию Будды. – Как выясняется из дальнейшего, этот культ не имел ничего общего с философски-религиозным проникновением, а был всего лишь одной из форм предрассудочного суеверия.

¹⁴⁸ ...Вторая девочка... – Девочки в старом Китае чаще всего назывались порядковыми числительными (Первая девочка, Вторая и т. д.) с присоединением для посторонних фамильного имени (Чжан Первая, Ли Вторая и т. д.). Очень редко давались какие-либо причудливые имена (цветов, мотыльков, отливов бабочки и др.). Но гетеры, актрисы и поэтессы, а равно девушки, начитанные в литературе (редкость в старом Китае), всегда имели свое особое имя и прозвание в противоположность массам неграмотного женского Китая, которым не полагалось выходить и быть известными за порогами своей патриархальной сатрапии.

¹⁴⁹ Священное «Пятикнижие» конфуцианцев включает в себе «Ицзин» – гадательную и философскую «Книгу перемен», книгу песен и гимнов – «Шицзин», книгу исторических преданий – «Шуцзин», летопись удела Лу, составленную Конфуцием, – «Чуньцю» и трактат о церемониале и благочинии – «Лицзи». Вся

Ее однооконником¹⁵⁰ был некий студент Дин, имевший прозвание¹⁵¹ Цзы-мо, старше ее на три года. Он блистал литературным дарованием и развитием, отличался текучею подвижностью ума и нрава. Он эту девочку полюбил всей душой и сообщил об этом своей матери, прося ее домогаться его брака у семьи Чжао. Чжао согласия не дали, рассчитывая просватать дочь за кого-нибудь из видной семьи.

Так прошло некоторое время. Чжао были совращены в вероучение Белых Лотосов, и когда Сюй Хун-жу¹⁵² поднял свой мятеж, то вся их семья передалась на его сторону и стала, таким образом, преступниками.

Сяо-эр, Вторая девочка, понимала смысл в их книгах¹⁵³,

эта материя была далеко не по мозгам начинающим малышам, хотя они перед этими пятью усваивали еще четыре книги («Сы-шу» – «Четверокнижие») самого Конфуция и о нем его учеников и последователей. Поэтому вся эта масса текста вместе с элементарным, непосредственно примыкающим к нему комментарием усваивалась наизусть, без особых пояснений вплоть до возраста, когда ключ к разумению отыскивался из общего развития ребенка. Конечно, отметить столь раннее одоление китайской Библии маленькою ученицей следовало как явление исключительное.

¹⁵⁰ *Ее однооконником...* – то есть товарищем по школе, сидевшим, так сказать, вместе у света для чтения книг.

¹⁵¹ *...имевший прозвание...* – Как мальчик, перед которым открывалось общение с очень многими людьми, – обратно девочке, в будущем всего лишь гаремной затворнице, он имел не только имя, но и прозвание, данное тут же в школе.

¹⁵² *Сюй Хун-жу* – один из первых главарей Белых Лотосов.

¹⁵³ *...понимала смысл в их книгах...* – то есть в литературе суеверных и фантастических преданий, талисманов, рецептов и т. д., которые распространялись среди сектантов.

которые умела ловко толковать. Кроме того, стоило ей лишь раз увидеть, как делаются фокусы с бумажными солдатами и гороховыми лошадьми¹⁵⁴, – как она уже овладевала этим искусством в совершенстве. У Сюя было шесть маленьких девочек, служивших ему, как ученицы учителю¹⁵⁵, но Эр считалась самой лучшей, и за это ей удалось вполне овладеть его искусством. Отец же ее, Чжао, за заслуги дочери получил у Сюя значительную и ответственную должность.

В это время Дину исполнилось восемнадцать лет, и он уже гулял у тэнского бассейна¹⁵⁶. Несмотря на это¹⁵⁷, он не давал своего согласия на просватанье, так как не мог забыть своей Сяо-эр.

---

¹⁵⁴ ...с бумажными солдатами и гороховыми лошадьми... – Бумага вообще играет большую роль в китайской симпатической магии. Элементарным ее проявлением надо, кажется, считать всем известные фигуры, деньги, вещи и т. д., вырезанные, выклеенные из нее и употребленные как спутники умершего в его могилу. При сожжении они незримо превращаются в реальные фигуры и предметы и служат ему в его загробной, материалистически понимаемой жизни. Оживление картонных фигур руками колдуна – обычный сюжет китайского народного предания.

¹⁵⁵ ...служивших ему, как ученицы учителю... – Китайский этикет выработал строжайшую систему повиновения учителю и обращения с ним, очень сильно напоминающую сыновнее благочестие, являющееся основной добродетелью патриархального Китая.

¹⁵⁶ ...гулял у тэнского бассейна. – то есть вступил как успешный кандидат в списки учеников уездного училища конфуцианцев, имевшее при храме Конфуция бассейн особой формы, завещанный классическим преданием.

¹⁵⁷ Несмотря на это... – несмотря на то что ему как молодому талантливому ученому сватали наперерыв наилучших девиц.

Он тайком скрылся от родных и перебежал под знамена Сюя. Увидя его, девочка была очень рада, встретила его с необычайной для прочих торжественностью и лаской. В качестве высокодостоянной ученицы Сюя она распорядилась всеми войсковыми делами, выходила и возвращалась днем и ночью, когда хотела, так что отец и мать никаких ей преград ставить не могли.

Дин же виделся с ней по ночам. Она тогда прогоняла прочь солдат – и они оставались вдвоем до конца третьей стражи¹⁵⁸.

Дин говорил ей шепотком:

– Знаешь ли ты, моя милая, зачем, собственно, я сюда пришел, каковы мои скромные-скромные мечты?

– Не знаю, – отвечала девочка.

– Я, видишь ли ты, не тщеславен, не рассчитываю, как говорится, «ухватиться за дракона»¹⁵⁹... Уж если я на то пошел, то, скажу начистоту, только ради тебя! Нет, милая,

---

¹⁵⁸ ...до конца третьей стражи. – До часа ночи.

¹⁵⁹ ...«ухватиться за дракона»... – Историческое предание рассказывает, что, когда первый государь второй династии Хань (с 25 г. н. э.) взошел на престол, один из наиболее преданных ему сподвижников выступил с такою речью. «Государь, – сказал он, – те, что пошли за вами, бросив родных, бросив свою насиженную землю, и ринулись за вас среди стрел и камней, – все эти люди определенно рассчитывают ухватиться за чешую дракона или же прильнуть к перу феникса для выполнения своих планов и мечтаний». Отсюда фигурное выражение «ухватиться за (собственно, „дотянуться до...“) дракона», в смысле искания честолюбивых людей у сильных мира сего.

спасения в левых путях¹⁶⁰. Единственно, чего можно от них ожидать, – это только гибели. Ты ведь, милая моя, такая умница: неужели ты об этом не думаешь? Если б ты могла бежать отсюда за мной, то, уверяю тебя, дюймовое сердечко¹⁶¹ это не останется неблагодарным!

Совершенно растерявшись от подобных речей, девочка молчала. И вдруг у нее в уме совершенно прояснилось, и она как будто пробудилась ото сна.

– Убежать за спиной у родителей, – сказала она после долгого молчания, – бессовестно. Позволь мне сказать им об этом!

И она пошла к своим родителям, стала доказывать им, где настоящая выгода и где крах. Но Чжао ее не понимал.

– Наш учитель, – говорил он, – человек-бог. Какие могут быть у него превратности мыслей и заблуждения?

Девочка поняла, что доказать ему ничего не удастся. Тогда она сменила свою детскую прическу-челку на шиньон замужней женщины, извлекла двух бумажных змеев-коршунов, на одного села сама, на другого – Дин. Змеи издали свист ветра, взмахнули крыльями и полетели рядышком,

---

¹⁶⁰ *Нет, милая, спасения в левых путях.* – То есть еретических, изуверски фанатических.

¹⁶¹ *Дюймовое сердечко* – самая сердцевина, так сказать, сердца. Читаем у поэта: «Мои думы о тебе нельзя тебе послать: / Они только тут, в этом дюйме сердца!» Или у другого: «Древность тысячи лет в изящном слове, / Ее светлое, ее темное понимает дюйм сердца».

СЛОВНО ПТИЦЫ *цзянь-цзянь*¹⁶².

На рассвете долетели до Лайу¹⁶³. Тут девочка свернула коршунам шеи, и они вдруг съежились и упали. Тогда она их подобрала, а вместо них сделала двух ослов.

Они сказались там бежавшими от мятежа и наняли себе помещение. Выходить на люди они стали кое-как, не обращая на себя внимания и стараясь на наряды быть поскромнее.

У них был недостаток в дровах и припасах, что приводило Дина в глубокое уныние. Пошел было он занять крупы у соседей, но никто не согласился дать ему ни меры. Эр же не проявила ни малейшего огорчения. Взяла лишь да заложила свои булавки и серьги, заперла дверь, уселась с Дином вместе и давай загадывать и отгадывать «загадки лампы»¹⁶⁴.

Не то они принимались вспоминать из своих забытых

---

¹⁶² *Цзянь-цзянь* – фантастическая птица, описываемая древним словарем изжитых старинных слов «Эр я». Она не летает иначе, как соединив свои крылья с подругой.

¹⁶³ *Лайу* – название одного из уездов губернии Шаньдун.

¹⁶⁴ ...*отгадывать «загадки лампы»*. – то есть вечерние развлечения в виде загадок. Кроме типов, известных европейским народам, китайская загадка начетчиков превращается в иероглифические шарады, остроумием своим настолько же превышающие все известное в этом роде, насколько китайская письменность сообщает языку раздвоение на литературный и разговорный, этим самым уже приготовляя целую сеть загадок и каламбуров. В отличие от европейских эти шарады могут быть сочиняемы более или менее остроумными людьми буквально из каждого слова.

книг и на этом поприще состязались, кто ниже, кто выше¹⁶⁵. Того, кто проигрывал, другой бил по руке сложенными двумя пальцами.

Их сосед с запада¹⁶⁶, некто Вэн, был отважный человек по части «зеленого леска»¹⁶⁷. Однажды, когда он возвращался после набега домой, Эр сказала мужу:

– Раз мы богаты таким соседством, чего нам тужить? Возьмем у него в долг тысячу серебром... Даст он нам, как ты полагаешь?

Дин сказал, что это трудновато допустить.

– А я так заставлю его, знаешь, с радостью нам эти деньги внести! – сказала Эр.

И с этими словами она схватила ножницы и вырезала из бумаги фигуру Судного Чина. Затем поставила ее на пол и накрыла куриной клеткой. Сделав все это, она схватила Дина за руку и полезла с ним на кровать.

Разогрели запасенное вино и стали рыться в «Чжоуских

---

¹⁶⁵ ...кто ниже, кто выше. – Как указано выше, вся китайская Библия усваивалась главным образом памятью, которая с течением времени могла и изменить, хотя обыкновенно не дальше несущественных деталей.

¹⁶⁶ Их сосед с запада... – Китайцы не любят обозначений при посредстве левой и правой стороны, но точно ориентируются по странам света. Поэтому в их поэзии европейцу странно встречать такие выражения: «Надпись к востоку от кресла», «Рву на южном прудке лилии», «Живу беспечно в северном подворье» и т. д. Еще страннее фразы разговорного языка: «Эй, слепой, к востоку иди, слышишь?», «Прибей-ка этот гвоздь севернее», «Я живу к югу от дороги» и др.

¹⁶⁷ ...по части «зеленого леска». – То есть горный грабитель. Горы Зеленой рощи были очагом повстанческих орд в смутное время начала I в. н. э.

церемонных статутах»¹⁶⁸ для чарочной конституции¹⁶⁹. Говорили наобум: такая-то книга, лист, строка – и тотчас же принимались вместе искать. Тот, кому попадались знаки с боковиком¹⁷⁰ еды, воды, укисания, – пил. Тот же, кто натыкался прямо на вино, – пил вдвое.

Эр сразу же наткнулась на «Виночерпия»¹⁷¹. Дин тогда взял большую чару, налил ее доплна и заторопил Эр выпить ее до дна. Эр произнесла тоном заклятия:

– Если удастся извлечь эти деньги, ты, сударь, пусть набредешь на главу выпивки!

Дин раскрыл книгу и нашел главу о «Черепаховоде»¹⁷².

– Вот и вышло, – засмеялась Эр.

---

¹⁶⁸ ... в «*Чжоуских церемонных статутах*» ... – «Чжоули», древняя книга, считавшаяся классической, но не в составе «Пятикнижия», почему герои рассказа могли ее и не знать наизусть. Многие же знали ее как входящую в состав тринадцати классических книг позднейшего периода.

¹⁶⁹ ... для чарочной конституции. – То есть для положений о наказаниях для погрешающего в том или ином условленном пункте. Наказуемый пьет, напивается и становится предметом общих насмешек.

¹⁷⁰ *Боковик* – детерминатив, определитель, указывающий приблизительно основную группу понятий, в которую входит данное слово: например, стол, груша, топориче – к группе «дерево» с ее характерным боковиком; печаль, радость, мечты, планы – к группе «сердце» и т. д. С боковиком еды пишется и слово «пить» (*инь*); с боковиком воды – «вино» (*цзю*); с боковиком укисания – все слова, называющие вино.

¹⁷¹ «*Виночерпий*» – название одной из глав в «Чжоуских статутах», по которым производится гадание выпивающих.

¹⁷² *Черепаховод* – тоже один из древних персонажей, помеченных в вышеназванной книге.

Накапала вина и передала Дину. Тот не соглашался и не уступал.

– Нет, слушай, – говорила она, – ты теперь водяной воин¹⁷³ и должен пить по-черепаши¹⁷⁴.

Только что они этак поспорили и пошумели, вдруг слышат, как в клетке кто-то крикает. Эр вскочила с кровати.

– Пришел, – вскричала она.

Раскрыла клетку, смотрит – а в мешке лежат огромные серебряные слитки, кусок за куском, заполнив все как есть пространство. Дин ошалел от радости, с которой не мог справиться.

Немного погодя нянька Вэнов с младенцем на руках пришла к ним поболтать и шепотком передавала, что вчера их барин только что вернулся и сидел, накрыв свечу, как вдруг земля под ним разверзлась, и до такой глубины, что не чуялось дна. И оттуда вдруг вылез Судный Чин¹⁷⁵. Вылез и ска-

---

¹⁷³ ...ты теперь водяной воин... – в царстве царя драконов.

¹⁷⁴ ...должен пить по-черепаши. – Из истории знаменитых китайских древних пьяниц известны, например, следующие пьяные изуверства: «пить как бес», то есть ночью без свечей; «пить с пониманьем», то есть во время выпивания петь похоронное и рыдать; «пить по-тюремному», то есть обнажить голову и стать всем в кружок; «пить по-черепаши», то есть завернуться в ковер, вытянуть шею и пить. Выпив, снова съежиться и уйти в ковер; «пить по-журавлиному», то есть выпить чарку и лезть на дерево. Слезть и пить снова; и т. д.

¹⁷⁵ Судный Чин – это древнее название употребляется для обозначения исполнительных органов подземного правосудия. В руках этого судьи власть над душою грешника. Он изображается в китайском талисманном искусстве как страшного вида военный или гражданский чиновник с вытарашенными от гнева глаза-

зал:

– Я один из управляющих подземного дворца. Бог и повелитель Тайской горы¹⁷⁶ на совещании с властителями темного царства набрел на злостный лист «жестоких гостей»¹⁷⁷... Придется им поставить тысячу серебряных лампад, по десяти *ланов*¹⁷⁸ весом каждая. Если ты дашь денег на сотню, то грехи твои и преступления могут быть вычеркнуты.

– Хозяин наш, – продолжала рассказывать нянька, – перетрусил, испугался, бросился зажигать курильные свечи, бить ему лбом о пол и молиться. Затем покорно и благоговейно поднес ему тысячу серебром. Тогда Судный Чин как-то незаметно влез обратно в землю, которая тут же замкнулась.

Муж и жена, слушая все это, притворно покрикивали, выражая свое крайнее изумление.

После этого происшествия они стали прикупать себе то корову, то лошадь. Стали заводить прислугу и оборудовали себе целый большой дом.

Один из местных негодяев, высмотрев все их богатства,

ми и поднятой ногой – поза для страшного удара мечом по бесу, искушающему человека. Бесы стараются всячески его умиловать, а грешники – умолить о защите и предстательстве. В этом образе слилось вообще много разных верований, он эклектичен, но для народа ясен как заклинатель и укротитель бесов, а потому действительнонее любого божества.

¹⁷⁶ *Бог Тайской горы* (Тайшань) заведует подземным судилищем, распределяя награды и наказания всем мертвым.

¹⁷⁷ ...«жестоких гостей»... – то есть грабителей.

¹⁷⁸ ...по десяти *ланов*... – около фунта.

стакнулся с такими же беспутными парнями, вместе с ними перелез к Динам через забор и начал их грабить. Муж с женой не успели еще очнуться ото сна, как уже грабители, с пучками горячей соломы в руках, наводнили всю комнату. Двое из них схватили самого Дина. Жена, как была, голая вскочила и, тыча в злодеев пальцем, словно пикой, закричала:

– Стой, стой!

И все тринадцать воров стали, одеревенев, с высунутыми языками. Вид у них был глупый-преглупый, словно то были не люди, а деревянные идолы.

Тогда только молодая надела штаны¹⁷⁹ и слезла с кровати. Затем она крикнула и собрала всех слуг, велела им скрутить за спину грабителям руки, одному за другим, и вынудила принести повинную, говоря все как есть начистоту.

Она стала их теперь корить.

– Послушайте, – говорила она, – к вам издалека пришли люди спрятать, как говорится, свою голову в ручьи и доли. Пришли и рассчитывали встретить здесь помощь и поддержку. К чему же такое безжалостное бесстыдство? Бывает ведь, что человеку становится иногда очень и очень трудно, но тем, кому приходится туго, никто не мешал бы об этом просто сказать нам... Разве мы какие-то скопидомы, скряги, кулаки? За такие действия вас, шакалы, волки вы этакие, следовало бы по всей справедливости всех казнить... Только

---

¹⁷⁹ ...*молодая надела штаны*... – Женщины из простонародья в Китае не носят юбки или надевают их редко.

вот что, я не могла бы этого вынести! Так вот, пока что я вас отпущу, а уж если еще раз попадетесь, не помилую.

Воры поклонились Эр в ноги, поблагодарили и ушли.

Через некоторое время Сюй Хун-жу попался. Оба Чжао с сыном и невесткой были казнены. Студент взял с собой серебра и пошел выкупать малолетнего Чанчунева сына. Выкупил и принес его домой. Мальчику было три года. Дин стал воспитывать его, как свое собственное детище, под своей же фамилией, дав ему имя ЧЭН-ТЯО¹⁸⁰

---

¹⁸⁰ ЧЭН-ТЯО. – смысл имени мальчика: «Продолживший линию моих жертв предкам», то есть усыновленный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.